

эрик-эмманюэль
ШМИТТ

Врата
небес
ные

путь через века

книга 2

Большой роман

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Врата небесные

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Врата небесные / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21484-2

Эрик-Эмманюэль Шмитт – мировая знаменитость, лауреат Гонкуровской премии и многих других наград. Его роман «Оскар и Розовая Дама» читатели называли книгой, изменившей их жизнь, наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами». Его романы переведены на 45 языков и во Франции каждый год выходят общим тиражом полмиллиона экземпляров. «Врата небесные» – второй том грандиозной философско-романтической саги Шмитта «Путь через века». В первом томе «Потерянный рай» бессмертный целитель Ноам пережил всемирный потоп, в дальнейшем ему предстоит увидеть и Древний Египет, и Ренессанс, и индустриальную революцию, а пока в поисках своей бессмертной возлюбленной – невероятной Нуры, единственной на все тысячелетия, – он приходит в Месопотамию, где человечество изобрело сохранившийся и поныне способ жить сообща. Крупные города вместо мелких деревень; укрощение рек и ирригация вместо деликатного и смиренного поклонения Природе; изобретение астрономии и письма – на глазах у вечного скитальца творится тот самый прогресс, ради которого человечество жертвует собой с начала своей истории. И венец этого прогресса – Башня до небес, до самого обиталища богов, которую возводят рабы по приказу царя Нимрода. Целитель вхож в любые дома – к рабам и к царице Кубабе, к придворному астрологу и к пастуху Авраму, – и перед нами во всех подробностях распахивается головокружительная эпоха, от которой человечество так много унаследовало. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-21484-2

© Шмитт Э., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Путь через века. Книга 2: Врата небесные

Éric-Emmanuel Schmitt

LA TRAVERSÉE DES TEMPS

TOME 2: LA PORTE DU CIEL

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2021

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Марии Брусовани и Елены Березиной

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Н. Березина, перевод, 2022

© М. И. Брусовани, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Пролог

Он бежал.

Сколько уже раз Ноам спасался бегством?

Он бежал во весь дух.

Бегство не предлагает решения, оно намечает методику: ускользать, размышлять, действовать. Ноам покинул логовище сурвивалистов. Три дня, ему оставалось всего три дня... Если в этот срок Ноаму не удастся раскрыть миру их гибельный план, террористы нападут на атомные электростанции, спровоцируют нехватку электроэнергии, падение интернета, всеобщую панику. И среди всего этого беспорядка им достаточно будет осуществить цепь покушений, чтобы окончательно ввергнуть цивилизацию в хаос. Эти радикалисты ненавидят общество, в головах у них одна-единственная идея: ликвидировать его и учредить другое, хозяевами которого станут они.

Он бежал изо всех сил. Ночь навалилась на него всей тяжестью дневной жары. Ни чуточки прохлады. Все окаменело: деревья, умирающие от сухости травы, пронзенное безучастными звездами черное небо, желчная беспокойная луна. Ни дуновения. Ни совиного крика, который оживил бы строевой лес, ни воркования, ни трепета листвы. Ноам прощупывал взглядом неподвижную картину, но оставался начеку: позади него в любой момент могли возникнуть люди из Ковчег, а они без колебаний убьют его.

Он бежал. Страх придавал ему сил, щекотал лодыжки, увеличивал приток крови к бедрам, заблаговременно предупреждал о препятствиях, камнях, корнях, рывках. Если двигаться по краю владения, он скоро достигнет дороги.

Вдруг он услышал хрип и глухие удары: его кто-то преследовал! Задышавшись, он спрятался за сосной. Между двумя чересчур шумными вдохами он различил какое-то шевеление внизу. Ноам прильнул к стволу, перепачкался смолой, обуздал дыхание и внимательнее прислушался к периодически повторяющемуся стуку. Откуда он идет? Ноам сосредоточенно осмотрелся по сторонам, глянул направо, налево – и осознал, что слышит удары собственного сердца, гудение своих бронхов: никто его не преследовал... В ярости от того, что поддавался смятению, он отдышался и побежал снова.

Крепостная стена. В этом месте не засечет ни датчик, ни камера.

Он взобрался наверх, переступил через черепки и спрыгнул в придорожную канаву. Прощай, Ковчег.

На дне рюкзака болталась важнейшая вещь: украденный им у фанатиков компьютер, который таил в себе связь между ливанской ячейкой и головной организацией. Когда Мармуд, Шарли и Юго обнаружат пропажу, они придут в ярость. Нельзя тратить ни секунды. Ноам направился в сторону уклона дороги и снова бросился бежать.

Появился автомобиль с откидным верхом. Разносившаяся из него музыка надрывалась сильнее, чем двигатель. Аккомпанирующий тошнотворно сладкоголосому певцу оркестр струнных и медных оживлял мрачный пейзаж и заглушал звук мотора, который, кстати, ревел, как оголодавший лев.

Ноам встал посреди дороги.

Автомобиль на бешеной скорости невозмутимо мчался вперед.

Ноам заколебался.

Машина не замедляла ход и неслась прямо на него.

Ослепленный резким светом выхвативших его из тьмы фар Ноам оставался посреди шоссе, но был готов в последний момент нырнуть в канаву.

Едва ли в метре от него автомобиль внезапно замер. Из салона раздался насмешливый голос:

– Ну, мужик, гениально! Лихо ты! Я в восторге... Но откуда ты знал, что я только что проверил тормоза? Ты что, счет мне прислал?

Заглушив двигатель и выключив радио, из открытой тачки с восхищенным видом выбрался верзила. Над его костлявым горбоносом лицом топорщилась курчавая шевелюра; беспорядочно размахивая руками и дыша перегаром, он подошел к Ноаму.

– Какого черта ты делаешь в этой пустыне, мужик?

– Иду в Бейрут.

– Нет проблем, я тебя отвезу!

Он вернулся к автомобилю, в последний момент ухватился за него, чтобы не упасть, затем распахнул дверцу и кивнул назад. Усевшись, Ноам очутился рядом с молодым блондином, вцепившимся в спинку пассажирского сиденья.

– А это Сёрен, он датчанин! – воскликнул водитель. – У нас есть одна ночь, чтобы посетить Ливан. Разрешите представиться: Жозеф.

Мотор взревел, будто вот-вот взорвется, верзила опустил ручник, автомобиль рванул вперед. Жозеф был склонен к шумному проявлению восторгов; чтобы выразить свою радость, ему требовались децибелы: автомобильных клаксонов, радио, собственного голоса. Он неумолимо расхваливал красоту и величие Ливана, сыпал анекдотами, прыскал со смеху, пускался в отступления, терялся в них и снова хохотал.

Пока он разглагольствовал, бледный от ужаса датчанин рассказал Ноаму, что познакомился с Жозефом как-то вечером, во время своего музыкального турне, в котором тот был светотехником. Он вовсе не просил недавнего коллегу стать его гидом. Со скоростью сто пятьдесят километров в час они отмахали расстояние от Баальбека до Тира, по пути оказавшись возле дворца Бейтеддин, предоставленного президенту республики в качестве летней резиденции, куда совершенно пьяный лихач даже попытался проникнуть. Ничто не могло остановить услужливости Жозефа, который подпитывал свое восторженное великодушие, наливаясь пивом. Много раз автомобиль едва не опрокидывался на дно оврага и не врезался в столб, однако бог пьяниц заботился о Жозефе.

– Вот так-то, увы, – вздыхал датчанин, заложник вдохновлявшей ливанца любезности, только и мечтавший о том, чтобы выбраться из этой адской машины.

Пренебрегая опасностью, Ноам прикрыл глаза и попытался выработать план действий. С кем связаться? Он почти ни с кем не знаком, не знает, как функционирует общество, в которое он попал после своей последней, продлившейся многие десятилетия отлучки. На ум ему пришло одно имя: Хасан.

Ноам заметил Хасана в девять часов в квартале Ашрафия, на улице Альфреда Наккаша. Тот передавал охраннику паркинга ключи от своего болида. Едва Хасан переступил порог офиса, Ноам бросился за ним.

Казалось, Хасан совсем не удивился. И тут же упрекнул Ноама в недостаточно дружеском поведении, обвинив его в том, что тот пренебрег их отношениями, снюхавшись в Ковчеге с его кузеном. Ноам возражал, оправдывался, убеждал в своей искренности, уговаривал его пойти пропустить стаканчик вина. Хасан продолжал дуться. Наконец журналист, известный своей страстью к роскоши, выбрал какой-то древний бар с нездоровой атмосферой и позеленевшими от плесени стенами, где они, усевшись на липкие стулья, пили кофе из шербатовых чашек.

Ноам рассказал о своих открытиях: Ковчег, который кузен Хасана, честный сурвивалист, замыслил как простое убежище на случай бедствия, дал пристанище группе террористов, входящих во всемирную сеть. Он описал начиненный оружием подвал, привел услышанные им разговоры вокруг компьютера и последнюю беседу с главарем конспираторов. Называть Хасану имя появившегося на экране руководителя было бессмысленно: ввиду того, что время, выделенное людям, иное, нежели незапамятная вечность Дерека, Хасан наверняка никогда прежде с ним не встречался. Ноам упорствовал, множил подробности, убеждал Хасана, что катастрофа

неизбежна, если не изболтать этих командос, нацелившихся на атомные электростанции, плотины и хранилища интернет-ресурсов. Катаклизм неумолимо приближался.

– Три дня! Ты отдаешь себе отчет? Через три дня ячейка Захарии в Соединенных Штатах нанесет удар.

Теперь журналист представлял себе угрозу, но признался Ноаму в своем бессилии. Его издание, ежемесячный глянцево-журнал «*Happy Few*»¹, не обладает ни необходимым профилем, ни стремительностью включения, требующимися для подобного разоблачения.

– Звони в ежедневные газеты! – умолял Ноам.

Хасан был убежден, что серьезный печатный орган не рискнет ухватиться за дело такого масштаба без минимальной проверки, которая потребует как минимум трех дней.

– Выведи меня на этих издателей!

Несмотря на всю серьезность их разговора, Хасан расхохотался. Будучи ливанцем, он с уверенностью знал две характерные черты политиков своей страны: неэффективность и коррумпированность. В данном случае они довольствуются тем, что, продав сенсационную новость американцам или европейцам, обратят ее в звонкую монету.

– Мне плевать, что они этим воспользуются, – возразил ему Ноам. – Главное, чтобы эта новость распространилась. И поскорее.

– Быстро не получится! Если бы наши политики почувствовали необходимость срочных действий, они не позволили бы нации оказаться в столь тяжелом положении.

– А секретные службы?

– Гм...

– Выходит, мы ничего не предпримем, просто будем ждать апокалипсиса?

– Я этого не сказал. Пошли.

Спустя час Хасан и Ноам прибыли к расположенному рядом с портом Бейрута пакгаузу. Стены склада из серого песчаника на металлических опорах заканчивались волнистой жестяной крышей. С внешней стороны ни краски, ни штукатурки, только потеки мочи у основания бетонной стены. Внутри – чудовищная духота и гнетущая тьма. Хасан щелкнул выключателем; прежде чем распространить тусклый свет, неоновые лампы вздрогнули и заискрились. Ноздри раздражал запах тухлятины. Мужчины протиснулись между большими фанерными ящиками. Добравшись до люка, они двинулись по ржавой железной винтовой лестнице и наткнулись на бронированную дверь. Хасан набрал код, раздался сигнал, затем второй (сигнал изменился), третий – и дверь разблокировалась.

Они проникли в помещение, куда свежий воздух поступал через вентиляционные отверстия и перемешивался потолочными вентиляторами. Сидя на выстроившихся длинным рядом высоких табуретах, как на насестах, полтора десятка молодых людей щелкали по клавиатуре перед широкими экранами. Их поведение заинтриговало Ноама: вялые и апатичные, они сосредоточили всю свою подвижность в кончиках пальцев и моргающих веках. Словно моллюски с перегретыми конечностями... Поглощенные своим занятием, эти девушки и юноши не только не взглянули на появившихся визитеров, но даже не заметили их.

– Хакеры, – пояснил Хасан. – Они проникают на любой сайт, официальный или частный; будь то министерство, армия, фармацевтическая промышленность, информационный консорциум или же миллиардер. Оказавшись внутри системы, они просматривают данные, модифицируют их, стирают, блокируют.

– С какой целью?

– Это игра. Вызов. Страсть к хакерству.

– Может, деньги?

---

¹ «*Happy Few*» (англ.) – здесь «Горстка счастливиц», аллюзия на цитату из «Генриха V» Уильяма Шекспира. – Примеч. перев.

– К чему они им? Посмотри, где и как они живут! Крыса из сточной канавы не мечтает о жизни полевой крысы².

Хасан прошел в дальний конец зала, привел в действие цифровой замок очередной око-ванной сталью двери, подтолкнул Ноама вперед и бросил:

– Привет, Стэн.

– Угу.

Сидящий перед множеством мониторов тип ответил машинально, не шевельнув губами и не взглянув в их сторону. Он был огромным. Двести кило, не меньше. Ноаму никогда не приходилось видеть такой туши. Над этой грудой жира лицо, хоть и одутловатое, казалось крошечным.

– А это Ноам.

– Угу.

Парень даже не моргнул. Его прикованные к экранам глаза с желтой, как у рептилий, радужкой двигались со скоростью света.

После представлений Хасан принялся нахваливать Ноаму техническое мастерство Стэна, великого информатора, разоблачителя скандалов, инициатора многочисленных спасительных кризисов. Он взламывал директории под грифом «секретно», распространял государственные тайны, предоставлял на суд средств массовой информации злостных лжецов. С тех пор как он окопался здесь, его никто не видел; все, кому есть что скрывать, опасаются его. Действует он под ником Серпико³.

– Я тебя проинформирую? – предложил Хасан куску сала.

– Мм, – промычал Стэн.

Что, по всей вероятности, означало «да».

Пока Хасан рассказывал ему о раскрытом Ноамом заговоре, глаза и пальцы Стэна не прерывали своего диалога с компьютерами.

– А он вообще слышит, что ему говорят? – встревожился Ноам.

Закончив свой доклад, Хасан бросил:

– Помоги нам.

– Мм.

– Ты уяснил важность ситуации?

– Мм.

– Это вопрос жизни и смерти. Для всего мира. И для тебя тоже.

Склонившийся к экранам Стэн проявлял не больше заинтересованности, чем служащий, чье рабочее время закончилось.

– Сколько? – Он поднял голову, обвел их пристальным взглядом и вяло переспросил: – Сколько?

Хасан возмутился: хакер что, не понял, что это касается каждого?! Если не будет электричества, если вся Сеть будет заблокирована, весь земной шар будет парализован и погибнет, даже он, Стэн, в своей норе.

– Сколько? Я жду.

Чтобы выказать свое доброжелательное терпение, Стэн схватил пачку чипсов, разорвал ее, вытащил горсть и захрустел.

Хасан настаивал, снова и снова подчеркивая всеобщую заинтересованность, неизбежность хаоса.

---

² Аллюзия на басню Жана де Лафонтена «Городская и полевая крысы». – *Примеч. перев.*

³ Франческо Винсент *Серпико* (р. 1936) – отставной офицер Департамента полиции Нью-Йорка, выступивший с показаниями о коррупции в полиции в 1971 году. Стал знаменит после выхода одноименного фильма «Серпико» (*Serpico*, 1973) Сидни Люмета, где его роль исполнил Аль Пачино. – *Примеч. перев.*

– Сколько? – прервал его Стэн. – Я оплачиваю команду, помещение, оборудование. Я рискую. Так сколько?

– Стэн, если мы не вмешаемся, через три дня эти деньги тебе уже не понадобятся.

– Сколько?

Ноам догадывался, что, подобно ясновидцам, с которыми он общался на протяжении веков, Стэн перестал четко воспринимать реальность. Живя своими экранами, опьяненный своим господством над алгоритмами, он воображает, что в случае, если мир будет уничтожен, задуманное им новое программное обеспечение создаст другой, лучший. Уверенность в этом изобличало его стремление пренебрегать фактами. Не отводя взгляда от мониторов, Стэн объявил:

– Четыре миллиона долларов.

Хасан был ошеломлен. Прежде чем он успел высказать свое возмущение, Ноам отрезал:

– Договорились. Четыре миллиона долларов.

Тяжелые веки Стэна затрепетали от удовольствия. Хасан обернулся к Ноаму:

– Как? У тебя что, есть четыре миллиона?

– Нет, но скоро будут.

– Каким образом?

– Мне потребуется всего две вещи: глина и печь. Организуешь?

У Хасана, который приютил его в гостевой комнате, Ноам поставил на кровать рюкзак и достал два сокровища: компьютер террористов и свою рукопись. Несмотря на безотлагательность предстоящего дела, он бросил ностальгический взгляд на тетради, которым поверял воспоминания. Сумеет ли он завершить их? Сейчас он полагал эти свидетельства необходимыми, как никогда. Он начал делать записи, поскольку опасался эволюции человечества, желал разъяснить путь, которым шел до сих пор: путь через века. А теперь все ускорилося. Человеческий гений больше не утруждает себя здравым смыслом. Это великолепное дитя, капризное, безрассудное, лишенное морали; его созидательная энергия равна его энергии разрушения. Споспособный на худшее и на лучшее, деятельный, но не прозорливый, этот ребенок непрестанно заигрывает с тем, что ненавидит: со смертью. То он отталкивает ее, то ею пренебрегает, то возбуждает ее, ни на мгновение не прерывая рокового поединка. Люди только делают вид, будто общаются между собой; в действительности же каждый человек разговаривает только с одним собеседником – со смертью, а та ограничивается сопутствующим ущербом или пользой.

Ноам перелистывал покрытые четким каллиграфическим почерком страницы. Воспоминания не ограничивались его собственным существованием, они представляли собой настоящую человеческую эпопею. Обычно пишут, чтобы продолжить себя; он писал, чтобы не потерять. На самом деле это одно и то же: речь идет о том, чтобы примирить вечность с мимолетностью.

Впрочем, тем утром Ноам сомневался, что сможет поставить последнюю точку. Разрушительные силы вот-вот одержат победу. Несмотря на то, что в ходе истории ему часто приходилось становиться свидетелем подобной тенденции, на сей раз он отметил в ней небывалую особенность: двигаясь вперед от могущества к сверхмогуществу, человечество стало угрожать самому себе.

На каком моменте своего повествования он прервался? На эре неолита, когда жизнь опротивела ему так, что он не убоился бросить вызов власти и был казнен на площади...

Часть первая

Пропавшая

1

Сперва раздался грохот. Близкий, сильный, непрерывный: его едва слышные или громовые раскаты, доходящие из плотных слоев, пронзенных яркими молниями, оглушали меня.

Потом появилась сырость. Прохлада окутала меня, словно влажные простыни, и губ коснулась холодная капля; я машинально слизнул ее языком, и эта жидкая жемчужина, тяжелая, огромная, более благотворная, чем целый бурдюк вина, скатилась в расщелину моего горла.

И наконец возник свет или, скорее, его сияние, когда в тумане голубоватых испарений я приподнял веки.

Я встал на ноги.

Где я?

Я осмотрелся и, постепенно привыкнув к терзавшему мои барабанные перепонки шуму, заключил, что нахожусь в глубине окаймленной водопадом каменистой впадины. Сквозь завесу беспокойных струй проникал безмятежный дневной свет.

Как долго я проспал на устилавших камни бархатистых мхах?

Я растер щиколотки и запястья и потянулся, чтобы размять руки и ноги. Похрустывание. Облегчение. Блаженство. От суставов медовое тепло растеклось по всему телу, согрело меня и сообщило мышцам и сухожилиям приятное ощущение. Я дышал полной грудью. Какое счастье! В тот момент я не пытался понять случившееся, я им наслаждался. Я вдыхал пьянящий аромат полумрака, его испарения с запахом грибов и перегоя. Сквозь шум льющих струй я с интересом улавливал крики птиц, биение их крыльев, отчетливый плеск реки и огромность пространства, которую мог предположить благодаря эху.

Я с двойственным чувством примеривался к своему телу, как если бы оно одновременно было моим и не моим, чужим и родным: чужим, потому что я видел стройные икры атлета, каштановые волосы молодого парня, обветренную кожу охотника; родным – потому что узнавал каждую подробность.

Долго же я спал, зевнув, подумал я.

И снова улегся на спину. Мои зрачки уперлись в усеянный алмазами каплей светлый известняковый потолок.

Нахлынули беспорядочные воспоминания. Они ворвались в мое сознание, как скандалисты, вышибив дверь плечом. В них было Озеро – Озеро моего детства, на берегах которого я безмятежно рос, величественное и притягательное. Затем появилась Волна, предвестница Потопа; она принесла лица Мамы, Барака, Нуры и Тибора. Потом обрушившийся на нас грозовой разряд и исчезновение Нуры. И наконец раскрытие моей странной участи: не стареть. Тогда, при мысли о моем сыне Хаме, о его последнем вздохе и о моих странствиях, меня переполнило отчаяние... Все возникало в голове с быстротой того стихийного бедствия, что уничтожило наш Древний Мир. За несколько секунд воспоминания вернулись, и я снова стал самим собой.

Я сел. Ощупал почву, передвинулся к краю, сунул руку под струю ледяного водопада. Где я? Может, я пребываю в царстве мертвых? Впрочем, все вокруг меня обладало плотностью реального.

Каким чудом мне удалось выжить после казни?

Я припомнил последние события: погребение сына, мое вступление в отряд наемников, озлобленность, с какой я убивал врагов, на которых мне указывали, мое преступление, приговор, деревянная плаха – я положил на нее голову, поднятый топор палача, свист лезвия в воздухе, удар, ощущение жжения в шее и темнота...

– На помощь! – прижав ладони к шее, крикнул я. – На помощь!

Я ощупал затылок, челюсть и кадык: никаких следов или боли. Я задыхался и обливался потом. Сердце бешено колотилось, желудок свело судорогой, к горлу подступила тошнота. Удивление постепенно сменилось ужасом. Как это возможно? Меня обезглавили, и вот я обнаруживаю себя в какой-то пещере, живым, невредимым и даже без единого шрама!

Я встал. Кровь вскипала у меня в венах.

– Есть здесь кто-нибудь?

Ответом мне было лишь немолчное и безразличное завывание водяных потоков.

– Никого?

Я не соглашался на это одиночество, мне хотелось, чтобы меня встретили, чтобы мне все объяснили.

Я поспешно принялся изыскивать способ покинуть пещеру, как если бы, выберись я из нее, тайна сама собой прояснилась для меня... Присев на корточки, я нашупал справа естественную тропу; я затаил дыхание, прошел под струями громыхающего водопада и, оглушенный, внезапно оказался на воле, при свете дня. Передо мной простирался гигантский пейзаж.

Вокруг ревели пороги, а чуть дальше, за овражками, поросший деревьями каменистый откос переходил в склоны горы. Внизу, под завихрениями пены, бурлили разъяренные опаловые воды, которые, на мгновение утихнув, становились бирюзовыми, а затем бросались в реку. Я мог проследить ее извилистое течение через хвойный лес сколько хватало глаз. Над головой сияло чистое яркое лазурное небо, в котором пролетали хищные птицы. Бросив взгляд назад, я обнаружил усеянную острыми разрозненными пиками заснеженную вершину.

С валунов на скалы, через лужи к ручейкам, оскальзываясь, ползком и прыжками я осторожно двигался к плодородной земле. Изнуренный, я рухнул среди тростников и свернулся клубком. Теперь, когда я оказался на берегу, возбуждение спало, я ровнее дышал, лучше видел и мог размышлять более спокойно.

Мне не доставало какой-то части моей истории. Что произошло после рокового удара топора? Разрубил ли он меня надвое? Наверное, нет. Лезвие отклонилось. Да, отклонилось, это же очевидно! На плахе я лишился чувств, но не жизни.

Я облегченно вздохнул...

В небе кружила стая альпийских галок с красными лапами. Две лисы мелкой рысью бесцельно бежали одна за другой. Я встал и огляделся вокруг. Овраги, осыпи и мрачный лес, хвоя которого мелко дрожала на ветру, были покрыты бледно-лиловыми испарениями, словно от дыхания. Плотная, как облако, стая дроздов перелетела на другой склон. Я никогда прежде не ступал на эту территорию, не взбирался на эти крутые косогоры, не бродил по пихтовым лесам и не видел так близко вечные снега. Как далеко от Бирила, места моих страданий, я нахожусь? Мне наверняка кто-то помог. Этот пугающий меня своей дикостью горизонт на самом деле таил союзников. Может, мне следует дожждаться их?

Хотя меня и одолевало множество вопросов, я ухватился за два несомненных факта: какие-то люди спасли меня, и я дожусь их возвращения.

Меня терзал нестерпимый голод. В недрах этой щедрой природы я без труда обнаружил съедобные ягоды и сосновые шишки.

Подкрепившись, я инстинктивно направился к таинственной пещере. Несмотря на шум и сырость, меня привлекало это гостеприимное дружелюбное место, это лоно, где я мог укрыться.

Мой ночной сон прервала пренеприятная сцена: на меня набросились воинственные вороны и принялись выклевывать мне глаза. Каждый удар клюва резко будил меня; и всякий раз, убеждаясь, что это всего лишь кошмарный сон, я снова засыпал.

На заре меня захватило великолепие природы, и я больше не думал о тревожном сне. Утро я посвятил изучению окрестностей и поискам пропитания. Когда солнце достигло вершины небесного свода, я купался в водоеме, куда впадали мелкие речушки; поплескавшись в нем некоторое время, я долго занимался своим туалетом: растирался травами, распутывал волосы, обтачивал пемзой ногти. Я обнаружил в одном стволе дупло, а в нем – пригоршню меда, которым пропитал свою кожу, после чего снова погрузился в воду и плавал до изнеможения. Мною овладело сладкое бесчувствие. Я дотащился до какого-то дерева и растянулся в его тени на ложе из сухого папоротника.

Не знаю, что прервало мой полуденный отдых. Я вздрогнул и принялся беспокойно вглядываться в окрестности, словно испуганный зверь.

Поблизости кто-то был.

В воде ничего. В кустах – ничего. В листве – ничего. Я перевел взгляд на водопады и заметил какой-то силуэт, когда он уже почти скрылся за струями.

Замечательно! Мои спасители возвращаются.

Я вскочил на ноги, готовый карабкаться по уходящим в самое небо скалам, когда до меня донесся отчаянный крик:

– Ноам!

Я затрепетал, не смея поверить, что узнал этот голос.

– Ноам! – выкрикнула та, что проникла в каменную пещеру.

Охваченная тревогой, она выскочила из-за текущей перегородки, быстрым взглядом обвела местность и заметила меня внизу.

– Ноам...

И потрясенная Нура с улыбкой раскрыла мне объятия.

* * *

Мы не говорили. Происходившее с нами было выше моего понимания. Весь остаток дня мы только и делали, что вглядывались один в другого, притрагивались друг к другу, ласкали друг друга, обнимались и наслаждались взаимопроникновением и соприкосновением с кожей другого; наши губы сливались в поцелуях; наши ноги переплетались; руки не разжимали объятий. Мы не сводили друг с друга глаз, и никому не удалось бы просунуть между нами даже листик.

От ощущения близости Нуры все мое тело, жаркое, страстное, вибрирующее, приходило в состояние эрекции. Я уже не различал, когда у меня стоит, а когда нет; проникаю ли я в лоно Нуры или же просто прижимаю ее к себе.

Сколько раз мы любили друг друга? Обычно наслаждение дает сигнал завершения желания, оргазм разлучает любовников, и они, удовлетворенные, засыпают. Ничего подобного! Никакое извержение не ослабляло нашего напряжения, никакое содрогание не умеряло нашего желания, никакой любовный экстаз не истощал нашей властной потребности обниматься.

Меня пьянил запах Нуры и все его нюансы, фруктовый букет ее языка, лесистый – ее волос, солоноватый привкус ее плеч, пряный аромат ее подмышек, смолистый мускусный дух ее вагины... Это была не женщина, это был пейзаж, изобильный, многосложный, источник и вместилище блаженства и упоения.

Мне было очевидно, что Нура мне не наскучит, однако я считал чудом, что она испытывает ко мне такие же чувства. Я старался пореже об этом думать и каждое мгновение смаковать, как бесценный дар.

Среди ночи, когда рыжая луна медно-красной чертой обвела талию, бедра и ягодицы Нуры, она воскликнула:

– Есть хочу!

Обрадованный, я предложил ей свои утренние припасы; она, смеясь опустошила свою котомку, добавив к нашему пиршеству лещину, миндаль и яблоки. Мы безмятежно жевали, не спуская друг с друга глаз. Насытившись, она спросила:

– А ты, Ноам, отдаешь себе отчет в том, что с нами происходит?

Я склонился к ней:

– Нечто самое лучшее.

На ее лице отразилась задумчивость.

– Или худшее...

– Что ты хочешь сказать?

Она взглянула на меня, поморщилась, покачала головой, взмахнула ресницами, прокашлялась, свела брови, нахмурилась, затем прижалась к моей груди и взмолилась:

– Не будем об этом говорить, Ноам. Не сейчас. Слова пугают меня.

Я набросился на нее, прижал свои губы к ее рту. Нура вздохнула от облегчения и сладострастия, наши руки сплелись, и она осторожно и ловко уселась на меня, втянув мой член в свои влажные глубины.

Первые рассветные лучи посеребрили завесу воды и осветили наше убежище, стенки которого выступили из темноты, поблескивающие, покрытые влагой и пахучие. Как мы.

Нура сладко застонала, высвободилась из моих объятий и посмотрела на проникающий сквозь струи водопада свет. Она машинально потерла нос и щеки, а затем подхватила одежду.

– Мне надо тебя покинуть, Ноам.

Даже не шелохнувшись, я томно пробормотал:

– Почему?

– Во мне нуждаются.

Я вскочил:

– Нуждаются? И кто же?

Нура устало взглянула на меня:

– Ты многого не знаешь, Ноам.

Я настаивал:

– Кто?

– Как? Я чувствую в твоем голосе ревность?

– И правильно чувствуешь.

Нура озабоченно посмотрела на меня, смягчилась и обдала меня своей нежностью.

– Мне столько надо рассказать тебе, Ноам.

Я опустился на пол.

– Я тебя терпеливо слушаю.

– Терпеливо?

Это слово развеселило ее. Она хихикнула, а затем, уже не сдерживаясь, расхохоталась.

– Терпеливо... вот уж не думала, что ты употребишь такое слово! Очень забавно! Заметь, оно очень кстати: я сделалась экспертом в терпении.

Снаружи, прежде чем ступить на естественную тропу, прижавшись к скале, чтобы не промокнуть, Нура послала мне воздушный поцелуй. Холодный воздух покалывал. Утро расплывчало небо и возвращало пихтам их голубоватую хвою.

– Надо кое-что уладить. Завтра вернусь.

– До завтра, любимая.

От последнего слова ее веки дрогнули, и она стала грациозно спускаться между скалами. Добежав до озера, куда обрушивались столбы взвихренной воды, Нура обернулась:

– Ноам, а ты заметил, что на тебе нет одежды? Завтра принесу.

Ее взгляд скользнул по моей груди, животу, члену. Она затрепетала и, зардевшись, прошептала:

– То есть попытаюсь... я ничего не обещаю.

Она подмигнула мне, а затем, юркая и ловкая, исчезла в зарослях.

* * *

Нура призналась мне, что слова пугают ее, а меня по-прежнему мучил вопрос, которого я старался избежать: как мне удалось выжить после казни? К моей странной особенности – что я не старел – прибавилась загадка... Если я предавался размышлениям, на ум приходили противоречивые подробности, от этого голова шла кругом, и я доводил себя до полного изнеможения. Так что лучше было не задумываться.

Я стал ждать Нуру.

Тем, кто ненавидит ожидание, приносит облегчение природа. Двигаясь вдоль реки под колючими ветками, я шел к равнине, поросшей густым лесом, который затмевал дневной свет. По мере того как я проникал в лес, он раскрывал передо мной новый аромат, запахи вереска, тяжелый смолистый дух, испарения цветов, затхлый душок разложения. Разбегавшиеся при моем приближении зайцы оставляли мне размеченный коричневой шерсткой кильватер, а резкий взлет напуганных птиц свидетельствовал о том, что люди не часто топчут здешние места. Когда склон сделался более пологим, я обнаружил заросли, богатые ягодами, которые поедали ловкие козы, а затем густо поросшие травой узкие опушки, где паслись черные овцы. Среди стволов я заприметил скачущих галопом лошадей; их живость, свобода и беззаботность так и звали последовать за ними, но я не отклонялся от русла реки. Иначе найду ли я пещеру? И Нуру...

Привалившись к какому-то хвойному дереву, я, прежде чем задремать, понаблюдal за крошечной жизнью насекомых, поразился дисциплине муравьев и восхитился пурпурной красотой гусеницы. Меня заворожили блестящие скарабеи, эти атакующие навоз труженики: одни поедали его, другие своими широкими лапками формовали шары, а потом куда-то катили их – наверняка для того, чтобы заполнить ими свои норы; обладатели рогатого торакса поднимали впечатляющие по сравнению со своими габаритами тяжести, что доказывало их гигантскую силу. Вступившему с ними в бой человеку пришлось бы вооружиться дубиной, вес которой в тысячу раз превышал бы его собственный!

На закате я, еще недостаточно уставший, чтобы заснуть, вернулся в свое пристанище. Как и в первую ночь, мой сон нарушали видения нападавших на меня ворон, которые пытались выклевать мне глаза...

На следующий день ожидание стало меня тяготить. Я взялся за сбор трав, но очень скоро на меня напала усталость, и я ограничился тем, что, подобно неподвижно парящему в поднебесье орлу, принялся обводить взглядом пейзаж.

Я уселся на землю и, прижавшись спиной к приятно массирующей мне лопатки ноздреватой коре кедра, позволил природе проникнуть в меня. Немолчный звук неустанно бегущих перед моими глазами потоков превратился в гипнотическую колыбельную, в ритме которой сменялись и исчезали картины окрестностей и образы из моих воспоминаний, столь же хрупкие и вибрирующие, как поверхность воды, однако они не закрепились, не создали непрерывного, простого и постоянного движения, длительность которого усилила бы очарование...

Солнце село. Орел, покачиваясь, спускался к опушке: он обнаружил жертву.

У подножия водопада появилась Нура, я бросился к ней. Она сдержала мои излияния чувств.

– Оденсья. Не то мы снова поведем себя как животные.

И тут же сама исправилась:

– Как счастливые животные...

Это рассмешило нас обоих. Я подхватил протянутую тунику. Когда я надел ее, Нура взглянула на меня с восхищением:

– Я на глазок знаю твой размер.

Ткань идеально облегла мое тело. Я повязал шерстяной пояс, и подол поднялся до середины бедер.

– Многие девушки мечтали бы иметь стройные ноги и тонкую талию, как у тебя, – прошептала она.

– Я похож на девушку?

– Ни в коем случае.

Привстав на цыпочки, она вознаградила меня быстрым поцелуем.

– Пойдем. Давай наконец поговорим.

– Потому что я одет?

– Пристойность облегчает искусство беседы.

Она пошла по тропинке, ведущей вниз, а не к водопаду. Я напрягся.

– Разве мы не поднимемся в нашу пещеру, Нура?

– Нет, только не в твою больничную палату. Я и так слишком долго не смыкала там глаз над тобой.

А я-то уже понадеялся повторить ощущения нашей встречи после долгой разлуки! И теперь испытывал удивление, смешанное с разочарованием. Она шаловливо схватила меня за руку и погладила ее:

– Какая разница?

Потом отпустила и углубилась в лесные заросли. Я последовал за ней. Женщина, которую я любил, требовала, и я шел за ней; мы шагали, движимые желанием и переполненные тысячами историй, которыми хотели поделиться друг с другом.

По пути я рассматривал Нуру. И в который раз восхищался ее чудом. Будь то ветер, испепеляющая жара или проливной дождь, она никогда не выглядела растрепанной; если же выбившийся из прически локон падал ей на щеку, казалось, будто она сделала это специально. Никогда ни один палец на ее ноге не покрывала пыль, как если бы она носила сандалии просто для красоты, без всякой утилитарной цели. Никогда ее платье не цеплялось за колючий кустарник, и острые шипы не рвали его. Никогда ни единое пятнышко не марало ее вышивки. Во всей вселенной Нура не знала ни одного недруга: все покорялось ей. Она проявляла себя такой, какой решила быть. Изящное своеволие было ее естеством.

Солнце скрылось, и вместе с ним ушла жара, во тьме принялся шуровать ветер, которому были ненавистны сумерки.

Мы вышли на лысый пригорок. Посреди него высились менгиры. В полумраке их очертания обретали пугающую плотность, казались настолько крепкими и живыми, что я поискал, где у этих призрачных чудовищ глаза.

Нура остановилась перед вертикально стоящими камнями и произнесла, указывая на них:

– Ее отметина.

– Прости, что?

– Отпечаток луны на земле.

Я поочередно рассматривал перламутровый диск в вышине и торчащие из земли и образующие круг камни. Нура добавила:

– Луна не оставляет свой след в обычной грязи, она рисует его на камнях.

Я сомневался в том, чтобы луна могла расположить гранитные глыбы по идеальному кругу, ограничить пояс укреплений глиняной стеной и наружным рвом и вокруг засыпать песком. Однако я промолчал, не желая спорить с Нурой, которая мрачнела, если ей не нравилось замечание.

– Мне нравится это место! – воскликнула она. – Я часто приходила сюда. И молилась луне. В этих краях ее называют Сера.

Она улыбнулась светилу.

– Луна стала моей Богиней. Она поддерживала меня. Мы с ней похожи: у нее свой характер, у нее бывают взлеты и падения, темные ночи и ясные, ночи млечные, а порой окровавленные; она может быть узкой, а потом круглой, девственной и материнской, взбалмошной, но, что бы ни случилось, – верной, стойкой и противостоящей тучам, стремящимся уничтожить ее.

Нура присела и предложила мне опуститься на землю рядом с ней.

Мы замерли плечом к плечу. Привлеченные свечением, наши взгляды оторвались от черного горизонта с зубцами дремлющих гор и устремились к звездному кружеву, которое украшало небесный свод.

– Мне многое надо сказать тебе, Ноам. Не знаю, с чего начать.

– Начни с островка. Того, где нас ударило молнией. Того, что разлучил нас.

Прикрыв глаза, Нура вздохнула и склонилась ко мне:

– Во время потопа, на судне, когда мы были счастливы, несмотря на бедствие, я заподозрила, что ты скрываешь сына, младенца, которого приписывали Дереку. Теперь, по прошествии времени, поразмыслив, я тебя ни в чем не упрекаю, Ноам; главное, ты поверь, что теперь я тебя не осуждаю: ты не обманул меня, это я тебя спровадила. Просто в тот вечер, обнаружив Хама под испепеляющим солнцем (прибавь к этому изнурительный голод и постоянную тревогу), я впустила в свое сердце ревность! Да, мною овладела досада. Жестокая, неудержимая, чудовищная злоба – но не по отношению к женщине, которую ты обнимал, нет – к матери, которая обеспечила тебя потомком.

– Нура...

– Я желала быть для тебя всем, Ноам, и я по-прежнему этого желаю. И все же, хотя мы женаты, мое лоно остается бесплодным.

– Мы не успели. Мы боролись со стихийным бедствием.

– Чтобы дать жизнь нашим детям, моя утроба ждала твердой почвы, я в этом уверена, прочного фундамента, на котором мы можем построить нашу жизнь, нашу семью. Однако с тех пор как мне открылось, кто этот младенец, этот Хам, имеющий на руке два сросшихся пальца, твою отметину, мне не удавалось прислушаться к голосу разума. Я страдала, значит и ты должен был страдать. Вот почему тогда ночью я спряталась в пироге. Едва ты на островке избавился от Дерекы, появилась я, и между нами разгорелся спор. Я не сомневалась, что мы с тобой быстро помиримся – для того и прибыла туда, – но прежде мне надо было выкричаться, проораться, осыпать тебя оскорблениями.

– Тебе надо было, чтобы я тебя услышал...

– Разразилась гроза. Нас заливало дождем, грохотал гром, все чаще сверкали молнии. Мы – ты, я и Дерек – бросились в пещеру, чтобы укрыться там. Я буквально умирала от жажды и выскочила на середину впадины, чтобы освежиться. Дерек последовал моему примеру. И вот, когда мы утоляли жажду, внезапно на него, потом на меня... обрушился этот огонь...

– Я видел, Нура, я видел, как в вас ударила молния. Я кинулся к тебе. Ты уже была безжизненной и холодной.

Ее глаза округлились от изумления. Этого эпизода она не знала.

– И что ты сделал, Ноам? Ты не дал мне травяного отвара или какого-нибудь снадобья?

– Нет. Молния сразила и меня.

Нура покачала головой. Только что я сообщил прежде неизвестную ей подробность. Она поморщилась:

– Ты вообразил, что я мертва... Но это было не так, потому что я пришла в себя. Ураган прекратился. Поднявшись на ноги, я заметила тебя, лежащего на земле. Я тебя окликнула, но ты не отозвался. Я приникла ухом к твоей груди и не уловила биения сердца, а склонившись к твоим ноздрям, не почувствовала дыхания; я провела рукой по твоей коже – она ответила мне холодом, тогда я приподняла твое тело: оно уже одеревенело. Ты был мертв.

Глаза Нуры неестественно блестели, черты заострились, заново переживая ту сцену, она сжала в ладонях мое лицо и воскликнула:

– Я взвыла! Дерек смотрел, как я надрываюсь в крике, пока я не рухнула на землю. Мы вдвоем вытащили тебя из пещеры на берег. Я уложила тебя на спину, чтобы сделать примочки.

– Я был... мертв?

– Совсем мертв! Далеко-далеко от судна отошла пирога, чтобы забрать нас. Там у Дерека были только враги: никто не простил ему, что он заставил нас есть человеческое мясо. Если бы наши попутчики обнаружили его рядом с твоим трупом, их ненависть разгорелась бы с новой силой. Он умолял меня бежать на твоей пироге. Разумеется, я отказалась, я хотела забрать твое тело. Спустя несколько мгновений, когда я склонилась над тобой, он оглушил меня. Позже, уже в сумерках, я пришла в себя, мы были в пироге, которая приближалась к какому-то островку. Слушая оправдания Дерека, твердившего, что вдвоем мы справимся лучше, я не сопротивлялась, потому что уже задумала план: с первыми лучами зари я украду пирогу и доберусь до нашего судна.

Она вдруг понурилась:

– Увы, на рассвете, когда Дерек еще спал, я стала пристально вглядываться в волны, но не обнаружила корабля. Его нигде не было!

При этом мучительном воспоминании ее лицо исказила гримаса.

– А потом начались скитания... Я плакала, Ноам, я непрестанно рыдала, я считала тебя мертвым, скучала по отцу, мой мир канул в небытие, и у меня не осталось никаких желаний. Долгие месяцы Дерек орудовал веслами, ловил для меня рыбу, охотился и собирал травы. Он заставлял меня есть и призывал жить дальше. Наконец мы пристали к бескрайнему берегу.

– И распрощались?

– Не сразу. Ведь Дерек был для меня связью с тобой. Если бы я с ним рассталась, я бы во второй раз лишилась тебя. Он говорил со мной о тебе, Ноам, я бы прилепилась к любому, кто мог рассказать о тебе! Сойдя на берег, мы постучались в ворота какой-то деревни, Дерек выдал меня за свою супругу, и я согласилась на эту ложь – она отводила мужчин. Мы жили как брат с сестрой. Потом...

– Что потом?

– Дерек есть Дерек. Он стал сочинять, выдумывать про потоп, описывать якобы построенное им судно, перечислять пары животных, которых он разместил там, бахвалиться своим предвидением, прозорливостью, отвагой и доверием, которое оказали ему Боги. Так в своих рассказах он мало-помалу занимал твое место, а тебя вытеснял... Стоило мне упрекнуть его, он на несколько вечеров умолкал, а затем принимался за старое. Потребность признания превосходила его разум; он восхищался собой – не тобой. И тогда, не предупредив его, я ушла.

– И что дальше?

– Я попыталась жить.

Нура схватила меня за запястье и с тревогой в голосе пробормотала:

– Ты был мертв, Ноам! Ты умер! Понимаешь?

Я накрыл ее руку своей ладонью:

– Я тебе верю, Нура, верю тем более, потому что ведь и я тоже видел тебя мертвой.

Скорее ошеломленные, чем задумчивые, мы умолкли, пытаясь осознать невозможное. Настал мой черед говорить:

– Я пришел в себя на берегу того островка, надо мной склонился дядюшка Барак. Он сообщил мне, что я провел там три дня. Я вскочил и бросился в пещеру. Вы с Дерекком исчезли. Я звал тебя, я перевернул все вверх дном, я десятки раз обшарил все углы, я упорствовал – мысль отказаться от поисков была для меня невыносима. Однако Барак вынудил меня признать, что во время урагана тебя унесло течением. Мы в пироге вернулись на судно. Дальнейшее я плохо помню... Я, подобно Тибору, упрямо не принимал действительности.

– Папа, – с горечью прошептала она.

– Тибор не смирился. «Только не Нура, – твердил он, – только не моя дочь. Она всегда все превозмогала». Его интуиция, его воображаемая связь с тобой до самого конца говорили ему, что ты жива. Едва мы ступили на твердую землю, он принялся искать тебя; твой отец искал тебя повсюду, искал долгие годы и наверняка умер, не теряя надежды тебя найти.

Нура резко поднялась на ноги. Тремя стремительными шагами она удалилась от круга камней и, не оборачиваясь, замерла, лицом к меркнувшему пейзажу. Тьму нарушил пронзительный крик совы.

– Нура...

– Подожди, Ноам, дай мне немного побыть... с воспоминанием о папе.

Я вглядывался в ее силуэт: хрупкий, голубоватый, он казался более одиноким, чем менгиры. По мере того как ночь вступала в свои права, звезд становилось все больше, они согревали небо и остужали землю.

Нура сделала глубокий вдох и задержала дыхание; слез не было. Заплачь она – ей стало бы легче, но она не достигла того состояния, когда рыдания смывают скорбь. Она испытывала неизбывное, нестерпимое страдание, от которого цепенеешь, не в силах излить свою боль в крике.

– Пожалуйста, разведи огонь.

Она отсылала меня. Я понял. И принялся собирать на кромке холма сухие ветки и толстые куски еловой коры, которые затем свалил в кучу в середине очерченного камнями круга. Судя по оставшейся там золе, я был не первым, кто это придумал. Я вытащил из котомки огниво, и мне удалось разжечь костер.

Потрескивание горящего дерева отвлекло Нуру. Она обернулась, медленно подошла и, присев у огня, протянула к нему руки. Пламя возвращало ее к жизни.

Я продолжил начатый разговор:

– Ты еще была с Дерекком, когда обратила внимание на... на свою странность?

– На мою странность?

– Сколько тебе лет, Нура? Ты должна быть немошной, согнутой пополам и покрытой морщинами.

Она рассмеялась. Ее тень плясала в языках пламени.

– Когда мне делали комплименты, я краснела. Разумеется, живость моего ума влияла на мою внешность. Мысленно я благодарила папу; именно по милости своего страстно влюбленного в растения отца-целителя я с рождения употребляла полезные травы, сильнодействующие мази и бальзамы. Я удивилась, лишь заметив, что одряхлели мои сверстники. К тому же... Я упрекала их в немощи, считала, что они сами виноваты, я видела в их старении какую-то нерадивость. Ты ведь знаешь, Ноам, доброжелательность не входит в число моих первых реакций. Я постоянно ощущала свою особость и, не задумываясь, ставила себя выше остальных. И вот однажды я обратила внимание на то, что умирают от старости люди, которых я знала детьми. В тот день я заподозрила, что мне даровано необычное преимущество. Я захотела повидать Дерекка, понять, не обладает ли он...

– И он тоже, Нура?

– Я нашла его таким же, с каким рассталась! Ни морщинки, ни малейшего признака дряхлости, никакого ревматизма, волосы на месте, тот же голос, живой взгляд, неизменная энергичность. Эта встреча ошеломила и успокоила нас. Это нас сблизило... По меньшей мере, у нас было что-то, некий секрет, который не умещался в нашем сознании, но, разделенный на двоих, становился менее загадочным.

– Так, значит, Дерек не состарился...

– Не больше, чем ты, Ноам...

Я вскочил и прошелся вокруг святилища:

– Тибор был прав! Он обратил внимание, что после потопа я изменился: мои язвы очистились и закрылись, рубцы на коже бесследно разгладились, я излечился от ран. До катастрофы я не обладал подобными свойствами. Тогда он задумался о том особенном мгновении, когда судьба решила отличить меня. Размышления привели твоего отца к воспоминанию об островке и пещере, где во время грозы нас скосила молния.

– Ты думаешь, он прав?

– В тот вечер молния поразила троих: Дерека, тебя и меня; мы живы и остались прежними.

Нура едва слышно пробормотала:

– Папа об этом догадался?

– Это нас и разлучило: уверенный, что ты не исчезла, Тибор отправился тебе навстречу, а я – вместо того чтобы пойти вместе с ним – насмеялся над его надеждой, попытался разубедить его, счел его чересчур эмоциональным папашей, чересчур чувствительным стариком, отрицающим очевидное...

Нура снова замкнулась. Она была подавлена. Я схватил ее руки, принялся гладить их и целовать каждый пальчик. Она очнулась от своего оцепенения, обхватила меня за шею, прижалась своими губами к моим. Ее поцелуй обладал сокрушительной силой урагана.

Потрясенный, я едва перевел дух и тотчас обнял ее:

– Сколько это еще продлится?

Нура легонько оттолкнула меня:

– А ты что, не понял?

– Чего не понял?

Она встала, вздрогнула и зябко потеряла плечи. Мне показалось, что она слишком бледна, а губы чересчур плотно сжаты. Обычно такая простодушная, она нахмурилась от неприятных мыслей. Глядя мне прямо в глаза, Нура огорошила меня:

– Что произошло в Бириле?

– У меня не хватило смелости самому убить себя, поэтому я совершил преступление, за которое мне грозила смерть, и меня к ней приговорили. Никто в целом мире никогда не шел на свою казнь с таким облегчением, как я.

– А что дальше?

– Я увидел тебя.

– Оставь эту мелочь.

– Я увидел тебя рядом с Зебоимом.

– Я же сказала, оставь эту мелочь!

– Это не мелочь! Я выкрикнул твое имя, ты выкрикнула мое – и топор обрушился на меня.

– А что дальше?

– Я очнулся здесь.

– И что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что либо палач промахнулся, либо лезвие отклонилось в сторону.

Нура пристально смотрела на меня, ее губы тряслись.

– Палач сделал свою работу, Ноам. Он разрубил тебе шею. Я помню тот удар, резкий звук, металлический, сильный, за которым последовали другие: слабые, вялые и текучие, исходявшие от тебя; ослабление твоих мышц и сухожилий, фонтан твоей крови. Тебя обезглавили, Ноам, ты развалился на два куска – голова в одну сторону, тело в другую.

Она закрыла лицо руками:

– Это было ужасно!

Ее рассказ привел меня в полную растерянность. Все во мне противилось невероятному, но Нура ничего не придумала, она описывала мне сцену, которая была невыносима для нее самой.

– Ты, расчлененный, лежал в луже крови. Я упала на колени, даже не попытавшись овладеть собой или изобразить достоинство. Наемники небрежно подобрали твое тело и поволокли его к общей могиле, которую выкопали, чтобы свалить в нее трупы убитых в тот день жителей Летоми. А твою голову палач схватил за волосы, под ликующие вопли толпы поднял ее на вытянутых руках, как трофей, и так пронес до главных ворот города. Там по обычаю он насадил ее на жердь и выставил на всеобщее обозрение.

Я не реагировал. Я был потрясен, мне хотелось убедить себя, что по неизвестной причине Нура мне лжет. Ее лицо исказила гримаса.

– Зебоим властвовал с помощью устрашения. Он желал, чтобы ты бесконечно гнил у всех на виду, дабы ни у кого не возникло мысли о бунте. Всю ночь твоя голова торчала на столбе. На рассвете вокруг тебя носилась огромная стая ворон, мерзких, разъяренных, каркающих, – и вот тут я вмешалась.

При упоминании об этих алчных птицах я вздрогнул: в гроте мне каждую ночь снилось нападение ворон.

– Они зарились на твои глаза, Ноам, на твои прекрасные карие глаза, они надеялись выклевывать и сожрать их. Наверное, глаза сочные, даже на человеческий вкус. Когда птицы уже вот-вот должны были наброситься на тебя, я, сославшись на жертвоприношение Богам, приказала разжечь под позорным столбом огонь и разлила сосновую смолу, которая дает густой зловонный черный дым. Он поднялся и разогнал воронье. Ночью, при свете луны, я забралась на крепостную стену и сняла твою голову.

При этих словах по ее телу пробежала дрожь.

– Могла ли я когда-нибудь вообразить подобную гнусность? Я бежала, держа под мышкой твою голову, под мышкой, Ноам, как тук с грязным бельем! На последнем дыхании я бежала к себе в спальню, схватила большой глиняный кувшин, в котором росли свиные хлеба⁴, выбросила из него часть земли, засунула туда твою голову и снова посадила растение в кувшин. Потом пришлось все отмывать: пол, одежду. Закончила я только на рассвете... Узнав, что твою голову похитили, Зебоим послал своих стражей обыскать каждый дом. И очень скоро заподозрил меня.

– Из-за того, что ты закричала перед моей казнью?

– И из-за моего негодования. Я тогда оскорбляла его, непрестанно оскорбляла.

– Какая ты смелая! Зебоим на всех наводил ужас.

– Только не на меня. Он сам меня боялся.

– Неужели? Этот тиран без стыда и совести боялся своей супруги?

– Я не была его супругой.

– Но...

– Я не была его супругой, потому что Зебоим не был Зебоимом.

---

⁴ Цикламены. Свины и кабаны искали эти цветы, откапывая в земле их клубни в форме плоских хлебцев. Они, единственные из всех животных, лакомились ими и не заболели. – *Здесь и далее примеч. автора, кроме отмеченных особо.*

Эти слова Нура произнесла так уверенно, что между нами повисло молчание. Большое вечернее светило, первое на горизонте, вздрогнуло. Где-то вдали, под сенью леса, слышался глухой галоп – стадо кабанов или оленей.

Сбитый с толку, я повторил:

– Зебоим не был Зебоимом?

– Под его маской скрывался другой. Благодаря золотому обличью никто об этом не догадывался, даже его дети, которые никогда не приближались к своему отцу. Только старший из шестерых иногда по некоторым упущениям что-то подозревал, но страх подавлял его подозрения.

– И кто же был под маской Зебоима?

– Дерек.

Я вспомнил... Это долговязое тело, отягощенное длинными конечностями, это странное поведение на возвышении – смесь неловкости, презрения и сдерживаемой жестокости; да, эта странная замаскированная фигура могла бы напомнить мне Дерек.

– А ты не догадался?

– Нет.

– Дерек во время краткого суда над тобой тоже тебя не узнал. Помимо того, что маска ослабляла его зрение, он не обращал никакого внимания на тех, кого приговаривал к смерти. Вдобавок в то время он, как и я, уже долгие годы считал тебя мертвым – мы ведь оставили твоё тело на островке. Он признал тебя только после моего крика, в тот момент, когда твоя голова скатилась в пыль. Может, его тоже шокировала эта сцена? Оказавшись в нашем жилище, я набросилась на него и принялась хлестать по лицу, царапать и осыпать ругательствами; обезумев от ярости и горя, я плюнула ему в лицо. На завтра он в сопровождении восьми вооруженных мужчин ворвался ко мне в спальню и приказал им все обшарить. Ни он, ни его наемники даже не подумали про кувшин.

– Нура, я ничего не понимаю в этой истории... я был мертв!

– Так думали. Я так думала. Однако как-то утром я заметила необычное явление: растение стало хиреть... Свиные хлеба совсем нетребовательны, они не нуждаются ни в солнечном свете, ни в постоянной температуре; несмотря на свой бледно-розовый цвет, они сильные и противостоят случайностям, которые вредят другим растениям. А тут, сколько я их ни поливала, они все чахли; листья, стебли и лепестки увядали, несмотря на все мои усилия. Вода куда-то уходила – явно не в растения – и не задерживалась в земле, которая оставалась сухой; влагу впитывало что-то внутри кувшина... Однажды, когда Зебоим, понадеявшись на временное затишье, присоединился к своему воюющему отряду, я разбила посудину... и посреди осколков... увидела...

Широко раскрыв глаза, она обхватила ладонями мое лицо:

– Я ждала, что обнаружу твой череп... Но увидела...

Она сглотнула, чтобы придать себе силы продолжать:

– Твое лицо не сгнило, Ноам! Твоя кожа не исчезла, ее не поглотил гумус, не сглодали черви. Наоборот, она сделалась упругой, наполненной. Ты казался менее мертвым, чем когда я вырвала тебя у ворон. А главное...

– Главное? Что...

– Твои веки! Вороны уже начали их клевать. Так вот, они обновлялись.

– Что ты такое говоришь?

– Природа делала свое дело наоборот: трудилась не над разложением, а над восстановлением. И тогда я наконец поняла.

– Что?

– Я поняла, зачем присутствовала на твоей казни. Поняла, что Боги нас любят. Я поняла свою роль: я стану той, кто будет находиться при тебе, пока ты не вернешься. Твоей хранительницей.

Вновь ощутив тогдашнее облегчение, она вздохнула и улыбнулась.

– Соглядатаи предупредили Дерека, что готовится заговор. Он решил бежать. «Лучше, – говорил он, – изменить личность до того, как будет раскрыта наша бесконечная молодость. Давай соберем свои сокровища, золото, драгоценные камни, украшения и отправимся в новые края». Я сделала вид, что обрадовалась. Мы предполагали бежать на лодке, единственном судне, которое имелось в Бириле, – это была единственная возможность не быть достигнутыми. В ту ночь я упростила служанку надеть мое платье и обвешаться моими бусами и браслетами: под покровом тьмы она выдала себя за меня. Хитрость удалась! В сопровождении нескольких наемников Дерек покинул наш берег. Воображаю его ярость, когда он понял, что я его провела.

Она пожала плечами:

– Да не важно! Сама я ушла налегке, с четырьмя осликами. Два были навьючены моими вещами, на одном ехала я, а на последнего погрузила новый кувшин с твоей головой. Наш маленький караван двигался без остановки. Долгие месяцы я наудачу все шла и шла, стремясь максимально увеличить расстояние между Бирилом и собой, между Дереким и собой, между прошлым и собой. Я сделала вывод, что ты нуждаешься только в одном – в воде и что тебе требуется влажная среда. Когда я добралась сюда, один пастух упомянул эту гору – местные жители не отваживались на нее подниматься, говорили, будто здесь живут свирепые Боги, которые ненавидят людей: летом скидывают их в пропасти, а зимой заковывают во льды. Я рискнула, произвела разведку и спрятала тебя за струями водопада. А сама спустилась и поселилась внизу.

Нура потеряла лоб:

– Я помню волнение, которое испытала в тот момент, когда устраивала тебя в каменной нише. Я разбила кувшин, умыла тебя, протерла, промокнула: твоя шея зарубцевалась и удлинилась... Смотри!

Нура вытащила из котомки коробочку из резной кости, открыла ее и показала мне, что там. В смешанном с песком вересковым перегноем извивались жирные бежевые кольчатые черви.

– Помнишь этих червей?

– Да.

– Мой отец тебе их показывал?

– Тибор разрезал одного червя и спустя несколько дней доказал мне, что червяк восстанавливает свое тело, производя недостающую часть.

– Папа неумолимо изучал их. Они у меня вызвали отвращение, а над ним я насмеялась! Я и не догадывалась, что он заранее передал мне наш секрет!

Она закрыла коробочку.

– Мы подобны этим червям, Ноам. Мы восстанавливаем себя, когда мы разбиты. Мы не умрем...

– Никогда?

Ни она, ни я не произнесли целиком эту фразу, а уж тем более слова, в которых заключалось главное: мы бессмертны.

В волнении мы созерцали широко раскинувшийся перед нами лес и нагромождение далеких вершин. Наше молчание обладало чудовищной мощью, сравнимой с силой посланной прямо в сердце стрелы.

Громко затрещали уголья, и я вздрогнул. Наши взгляды встретились над оранжевыми языками огня.

– Как ты живешь в долине, Нура?

– Я соержу приют для путников.

– Для путников?

– Да.

– Ты хочешь сказать, для Охотников?

Она рассмеялась, умилившись, как будто заново открыла для себя это название.

– Мир изменился, Ноам. Теперь многие люди перемещаются не для того, чтобы добывать себе пропитание собирательством или охотой, а чтобы доставлять сырье. Из копей добывают медь, золото, лазурит. Торговцы развозят их во все стороны. На моем постоялом дворе они могут подкрепиться и отдохнуть. Хотя у меня больше нет просторного жилища с тремя десятками служанок, я справляюсь. Обосновавшись здесь, я мечтала не обогатиться, а только быть рядом с тобой.

– И никого не удивляет, что ты не стареешь?

Нура расхохоталась:

– С тех пор как я открыла свой постоянный двор, я уже много раз умирала благодаря своим уловкам. Я регулярно симулировала преклонный возраст, а затем возвращалась в обличье своей дочери, моей дорогой дочурки, о которой столько рассказывала проезжим.

– Но почему же много раз за такое короткое время?

– Что ты называешь «коротким временем»?

– Время моего восстановления.

Нура приложила палец к моим губам, чтобы я умолк.

– Я забочусь о тебе вот уже несколько поколений. Столько поколений, что уже сбилась со счета. О да, я долго ждала этого поцелуя.

Прикосновение ее губ лишило меня возможности говорить...

2

Поддается ли счастье пересказу? Истории требуется зачин, средняя часть, окончание; а наше с Нурой блаженство, тягучее, плотное, длилось без прекращения и возобновлений.

Счастье не поддается пересказу, однако оно исчисляется... Беспечный рассвет, бархатистость кожи на сгибе локтя, таящаяся в веках улыбка, решение не размыкать объятий, невозможность прервать поцелуй, ощущение быть единым целым, утренняя любовь – более медлительная, менее прихотливая, томная и явная, отсроченный оргазмом подъем из постели, отдых в кратком сне, наслаждение первыми словами, первыми движениями, первыми сделанными вместе шагами. Ласкающая горло чистая вода, сочные фрукты, наделяющие энергией орехи, разговоры, праздность, плескание в реке или игры во мху. Зов природы, непредвиденные охоты, обильный сбор дикорастущих растений, встреченные животные, перепуганные, выслеженные и прекрасные. Изобретательность неба, его владение цветом, невероятные формы его облаков, непреходящее зрелище его обновлений. Пейзаж, который светлеет, расширяется, вибрирует и угасает. Дорога, дарящая сумерки с их размытостью, нежной прохладой и томлением; потом, в конце этой исчезающей тропки – другая вселенная, которую предлагает ночь, где ничто ни на что не похоже, ни люди, ни растения, ни формы, ни звуки, ни запахи. Величественная красота синевы, причудливые образы, начертанные тучами на изменчивом лице луны, или, когда проясняется, звезды, загадочные звезды и пространство, еще более таинственное, чем они. И на фоне этого потока чудес – совсем иное журчание: голос Нуры, смена выражений лица Нуры, смех Нуры, ее руки, ее бедра, ее причуды, ее горячность, ее гнев, ее игривость, ее ласки и ее восторги. Оглядываясь назад, я, неспособный сочинить рассказ о счастье, набрасываю каталог, нескончаемый перечень, который ставит на один уровень крошечное и необъятное, зрачок Нуры и горные вершины, ее ресничку и небесную ширь, обжигающее и прохладное, кроткое и резкое, ласку и оплеуху. Однако здесь недостает главного, непрекращающегося

потока чувства, которое от мгновения к мгновению, от предмета к предмету усиливает ощущение жизни, делая ее сладостной.

Нура организовала наше благополучие, обозначив запретные зоны. Так, например, когда я спросил, где она жила между расставанием с Дерекем и до своего возвращения к нему, она ограничилась тем, что ответила:

– Тсс! И речи быть не может, чтобы ты знал обо мне все.

– В любом случае мне никогда не узнать о тебе все.

– Поклянись больше к этому не возвращаться.

Я согласился. Как-то вечером, пропустив запретный оборот речи, я спросил:

– А как ты жила во время моего восстановления в пещере?

– Как могла.

– У тебя были... мужчины?

Ее восхитительные губы сжались, чтобы округлиться и прошептать:

– Тсс!

– Нура! Почему ты не делишься со мной своим прошлым?

– Тебя не касаются воспоминания о моей жизни без тебя. Мне неприятно рассказывать о себе все, особенно тем, кто мне дорог. Взгляни на меня, Ноам: я прозрачная?

– Нет. Светящаяся, но непроницаемая.

– И такой ты меня любишь!

Нура была права... Но каким образом достигла она подобной прозорливости? И когда? Я всегда знал ее такой.

Меня не тревожило то, что она столь часто попадает в точку. Когда я чувствовал себя рядом с ней настоящим пентюхом, меня это нисколько не смущало, потому что Нура умилялась моей простоте. Как мои яички, которые она обожала согревать своими пальцами, мои мышцы, которые она со смехом разминала, густая поросль, затеняющая мою грудную мускулатуру, и моя борода – в ее глазах свойственное мне непонимание женщин и любви объяснялось моим положением мужчины и представляло собой составляющую мужественности. Мудрый и лишенный растительности, я бы ей не нравился.

Зато беседовать о Дерекe она соглашалась.

– Он никогда не должен снова увидеть тебя, Ноам! Он удостоверился, что сохраняет свою молодость и излечивается от ран, однако не знает, что может победить смерть. Он считает, что ты похоронен – скелет в яме, череп в другом месте. Без страха пасть от рокового удара Дерек уже не будет сдерживаться – он будет властвовать, подавлять. Единственное, что связывает его с человеческим родом и мешает ему погрязнуть в жестокости, это мысль о том, что он смертен. Тебе – нам – придется скрываться. Я больше не хочу расставаться с тобой.

Из ее тревожных слов я понял только одно: «Я больше не хочу с тобой расставаться», потому что Дерек представлялся мне столь же далеким, сколь и второстепенным.

Нура периодически покидала меня, чтобы заниматься своим постоянным двором. Вопреки моей настойчивости она сопротивлялась тому, чтобы я поселился там с ней или хотя бы сопровождал ее.

– Слишком рано, – возражала она.

– Чего ты ждешь?

– Подходящего момента.

В ее отсутствие я думал, что там, в долине, она встречается с мужчиной. Дважды я останавливался всего в нескольких шагах от постоянного двора, в последний момент унимая неистовство, заставившее меня в поисках объяснения сбежать по склону. Чтобы пестовать свою подозрительность, я не имел ни улики, ни признания, но подозрительность росла и крепла, тем более что не подпитывалась ничем, кроме разве что воображения – худшего из соперников. Время от времени я догадывался, что это горькое чувство не является отражением

моей любви, скорее оно объясняется ощущением ненадежности: мне не доставало веры в себя. За этими маниакальными поисками соперников скрывался мой настоящий враг – я сам, тот заурядный Некто, которого я не считал ни красивым, ни забавным, ни обаятельным. Когда в минуты просветления я сознавался себе в этой беде, ревность не утихала, она только разгоралась: если, что удивительно, Нура пока не пресытилась мною, скоро она заскучает и наш союз развалится! В иные моменты я сожалел об этих припадках ревности: в чем ее обвинять? Нура столько ждала, что имеет право поддерживать отношения с другим мужчиной. Делая мне подобное внушение, разум, вместо того чтобы сгладить мою недоверчивость, тотчас укреплял ее: простой здравый смысл подтверждал мои худшие опасения.

К счастью, появление Нуры всякий раз преображало меня. Стоило моему взгляду коснуться ее, моим ноздрям насладиться ароматом ее благовоний, моей коже порозоветь от ее тепла, во мне разливался покой – властный, прочный, непритворный. Рядом с ней я никогда не испытывал ни малейшего замешательства.

Поскольку она откладывала наше обустройство у нее, мы жили как дикари. Много веков спустя, обнаружив в книге иудеев⁵ описание рая земного, где свободно благоденствовали Адам и Ева, я подумал о жизни Ноама и Нуры вблизи животворящего водопада. Щедрость природы, беспечность наших помыслов, чувственность наших объятий, уединение – да, все было в нем отмечено. И все же одна подробность неприятно поразила меня: Ева разгуливает нагишом. Адам – да, бесспорно, как и я, который в начале наших любовных утех слонялся обнаженным. Но не Ева! Нура не только не давала мне возможности узнать о ней все: она не позволяла мне все увидеть. Ее обольстительность заключалась в том, что она прячет, а не в том, что выставляет напоказ, в тонкой игре явленного и сокрытого: его мерцание доводило меня до исступления. Нура была несомненной управительницей моей страсти. Я добирался до самых заветных, самых сокровенных уголков ее тела, мой язык и мой член ощущали их влажность, когда она позволяла. Согласившись на что-то, она незамедлительно могла отказать. Расслабленность была чужда Нуре. Если она и кричала, когда моя мужская сила проникала в ее чресла, то разрешала себе подобную разнузданность, все так же оставаясь хозяйкой, – я ощущал это по ее внезапным приказаниям: «Ниже!», «Быстрее!», «Продолжай!». На самом деле она действовала осознанно, чтобы сбросить напряжение оргазма. В отличие от нее, я безудержно и исступленно отдавался наслаждению, как животное, даже не осознавая, что рычу. Моя страсть рядом с ее сладострастием казалась примитивной. Мне случалось видеть тела, которые принадлежали не живущей в них душе, а обращенному на них взгляду: непристойные тела перестают воплощать человека и становятся мясом. Нура же сохраняла свое мыслящее тело: она была плотью, но не мясом.

Короче говоря, Нура – моя жена, идеальная женщина, возможно даже, идеальный человек, – во всем меня превосходила. Эта неоспоримая истина переполняла меня.

В иудейском сборнике искушаемая Змеем Ева совершает грех, за которым следует ее изгнание из Рая. У нас произошло по-другому. Не грех и не ошибка. Другие причины положили конец нашему счастью. Но я опережаю события... а должен прежде уточнить свое повествование.

⁵ «Библия» по-гречески означает «книги». Несмотря на то, что термин «Библия» в конце концов стал относиться к единственной книге в иудейском или христианском мире, речь идет о многих собранных воедино книгах, то есть о библиотеке. Разные авторы написали различные тексты, порой несколько авторов работали над одним текстом, что представляет собой разрозненный корпус, построенный из многих слоев, достаточно неоднородный, а зачастую и противоречивый. Мировая история и минувшие века придали Библии огромное значение, упрочили ее сакральный, неприкосновенный характер вплоть до того, что в эпохи нетерпимости она стала Книгой в ущерб всем остальным, единственной Книгой, которую следовало переписывать от руки, а затем, когда Гутенберг изобрел механическое копирование, и печатать. Хотя Библия принесла много пользы, ее путь лежал через горы трупов: во имя Библии, а бывало, во имя ее специфического прочтения, совершались убийства. Я не могу удержаться от предположения, что если, следуя этимологии, ее называли бы Собранием, то полнее осознавали бы, что она являет собой сборник текстов, а не продиктованное Господом категорическое эссе.

* * *

– Тебя это не пугает? – спросила однажды утром Нура.

Вооружившись принесенным ею из долины куском ткани из конского волоса, я в нескольких шагах от водопада растирал Нуру и забавлялся, глядя, как ее кожа то розовеет, то становится похожей на мрамор.

– Чего бы мне бояться? – возразил я, принимаясь за ее лопатки.

Она, поеживаясь, повернулась ко мне:

– Хватит! Так ты обдерешь меня до костей.

– Немного благовоний?

Она кивнула. Я зачерпнул пригоршню корней мыльнянки⁶ и вспенил ее, размяв во влажных ладонях, после чего покрыл пеной с ароматом малины спину и бедра Нуры. От этих прикосновений мой член напрягся.

– Спасибо, – заметив мое возбуждение, Нура улыбнулась.

– Весь к вашим услугам.

– Потом поговорим об этом. Сперва я тебя причешу.

– Да что ты?

– Присядь-ка.

Мне лучше было не сопротивляться. Нура обожала мои лохмы и с ребяческим восторгом предавалась этому тяжкому делу: приводить их в порядок. Сама она всегда была причесана великолепно, хотя я не участвовал в долгих процедурах создания ею своих шедевров. Усеянные жемчугом и украшенные нарядными заколками локоны, пряди, косы и завитки переплетались в художественном порядке. Да и вообще, мне было неизвестно, что могло бы низвести Нуру до уровня обычной женщины: я никогда не видел, чтобы она мочилась или испражнялась, чтобы она чистила зубы – при этом ее рот имел вкус мяты и гвоздики, – или чтобы она чем-нибудь умащала свое тело – хотя, обнимая ее, я всегда прикасался к нежной и шелковистой коже.

– Это тебе.

Она протянула мне гребень из гибкого материала, украшенный черными пятнами, коричневыми полосами и прозрачными вставками. В детстве я использовал примитивные приспособления – закрепленные на черенке рыбы кости, приделанные к ветке высушенные шипы чертополоха, а позднее орудовал обычными гребнями из древесины самшита, а также более дорогими – из меди или бронзы. Только что я пришел в восторг от Нурино, выточенного из буйволова рога. Этот же был из неизвестного мне материала.

– Это панцирь, – проговорила Нура вполголоса. – Панцирь черепахи. Отшлифованный ремесленником с Востока.

Я почтительно принял подарок. В те времена гребень не дарили – он сопровождал человека, был связан с его тотемом, свидетельствовал о его социальном положении и его личности. Утрата своего гребня, так же как потеря волос, свидетельствовала о проклятии Богов.

– Обрати внимание на медведя в уголке, – заметила Нура.

В изумительном материале чеканом было выгравировано мое тотемное животное.

– Спасибо, Нура.

– А теперь мой черед воспользоваться им.

---

⁶ Сапонария – растение, часто встречающееся поблизости от ручьев. Его называли «мыльной травой», или «мыльнянкой», когда изобрели мыло. Его стебли и бледно-зеленые листья не находят применения, но длинные красноватые корневища, а также розовые цветки обладают способностью пениться, мыть и дезинфицировать. Высушенные и растертые в порошок, они позволяют даже вымыть руки без воды. Отец Нуры, великий целитель Тибор, посвятивший меня в свойства растений, применял настой или отвар сапонарии для лечения кожных болезней.

Властная и ребячливая Нура – та, которой мне следовало принадлежать и подчиняться, будто я ее игрушка, – усадила меня у себя между ног.

И приступила к прореживанию зарослей. Я не мешал ей, целиком отдавшись наслаждению ее прикосновениями, ее вниманием и удовольствием, которое она получала.

– Иногда мне бывает страшно, – неожиданно призналась Нура, и голос у нее дрожал. – Я боюсь времени. Данного нам с тобой времени.

– Нура! Целые столетия, чтобы любить друг друга, – что может быть лучшим подарком?
– Конечно.

Подле нее я млел от удовольствия, движения ее тонких ловких пальчиков настолько занимали меня, что я отказывался разделять ее страхи, а потому легкомысленно продолжал:

– Тебе что, со мной скучно?

– Никогда, Ноам.

– Дни кажутся тебе унылыми? Мы делаем одно и то же...

– И хорошо! – бросила она, и в ее голосе прозвучало сладострастие.

– Тебе надоело однообразие?

– Снова и снова делать то, что приводит меня в восторг? Меня это ничуть не отвращает. Обратное ввергло бы меня в отчаяние.

Я развернулся и увидел улыбку, под которой она силилась скрыть свою растерянность.

– Что же тогда?

– Меня страшит время, – снова прошептала она, прикрыв глаза.

– Время? Для нас оно не существует. Оно проходит и не убивает нас. Бояться времени как врага, который неминуемо ведет тебя к концу, нормально для любого смертного. Но не для нас.

– Время утратило смысл.

Я схватил ее за плечи и нежно сжал:

– Время утратило смысл?! Я не понимаю.

Ее лицо замкнулось. Она погрузилась в себя, и мне больше ничего не удалось из нее вытянуть.

Когда с моей причудливой прической было покончено, уныние Нуры рассеялось. Она на ощупь проверила объем и расположение переплетенных прядей, выпустила некоторые из них мне на виски, убедилась, что остальные волосы свободно и плавно ложатся мне на грудь и спину.

– Ты хорош, как девушка!

– Я бы предпочел быть хорош, как мужчина, – пробурчал я.

– Вот дурачина! – весело откликнулась она, потрепав меня по щеке.

В чертах вольной, как ветер, и более изменчивой, чем небо, Нуры отражались все времена года, но ни одно не оставляло на них своего следа.

Состоявшийся как-то вечером другой разговор позволил мне лучше понять ее тревогу.

Сидя на плоских камнях, мы с удовольствием ели крапивный суп. Ночь все не наступала, а день никак не решался уйти, и мы наслаждались этим неопределенным моментом, когда цвета, а вслед за ними и формы, смягчаются, а от земли поднимаются запахи. Вокруг нас, словно усталый улей, затихал лес.

– Я думаю про Мину, – едва слышно прошептала Нура.

Ее слова удивили меня. Мало того, что я сам редко вспоминал о своей первой супруге, на которой женился по обязанности и с которой умирал от скуки, но мне и в голову не могло прийти, что это как-то заботило Нуру.

– Бедняжка Мина... – сдавленно вздохнул я. – Мне жаль ее.

– Потому что она умерла?

– Потому что она не была счастлива.

Нура сделала над собой усилие и заявила:

– Нет, была. Неоднократно.

– Мина?

– Всякий раз, как она беременела и производила на свет дитя.

– Ни один ребенок не прожил больше года.

– И все же! Она могла радоваться девять лун и еще год. После дождя – солнце и наоборот.

Я ей завидую...

– Ты?! Ты завидуешь Мине? Вялой, слабой Мине? Лишенной привлекательности Мине? Немой, как рыба, тихой Мине? Да ты шутишь, Нура! Ты несравненно лучше. Ты во всем превосходишь ее. Ты роскошнее, веселее, умнее, любознательнее ее...

– И бесполезнее...

Я остолбенел. Она смерила меня взглядом. Я наконец осознал, что ее мучает. Нура яростно набросилась на меня:

– Почему Мина не сохраняла своих детей? Они погибали либо у нее во чреве, либо едва выйдя из него. Три выкидыша и четыре мертворожденных ребенка...

– Пять, – непроизвольно поправил ее я, вспомнив последние роды, которые стоили жизни матери и младенцу.

– Три выкидыша и пять мертворожденных детей! Почему? Скажи мне, Ноам, почему? Почему?

– Боги не любили Мину! Она сама твердила это, да и твой отец говорил: Боги и Духи не желали ни чтобы она жила, ни чтобы рожала потомство.

– А если причина, препятствие – это ты? Ты тот, кто с трудом воспроизводился? Ведь выкидыши и мертворожденных младенцев можно отнести и на твой счет...

– Я много раз это предполагал. Особенно упорно – когда хоронил Мину. Однако Тибор утверждал обратное, и через некоторое время я... я получил доказательство, что он был прав.

Нура побледнела:

– Твой сын Хам?

Я мгновенно замкнулся. Хам находился в зоне неприкосновенного, на территории, куда я никому не позволял вторгаться. Подозревала ли Нура об этом? Она придвинулась ко мне, обняла и нежно потерлась своим носом о мой.

– Ты не рассказал мне, что произошло.

Я упрямо покачал головой. Нура мягко настаивала:

– Кто она была?

Предвидя, что тепло ее тела, ее ласки и сочувствие побудят меня к признаниям, я попытался оттолкнуть ее:

– Нура, мы вовсе не должны знать друг о друге все, верно?

Она снова обняла меня и прошептала мне в ухо:

– Я тебе все сказала, а ты мне – нет. Не хочешь отвечать?

– В отличие от тебя, я неспособен не отвечать тебе.

И по возможности с минимумом подробностей, а скорее, с тщательным их отбором, я рассказал ей о своей встрече с Титой великолепной. Описал удивительную Пещеру Охотниц, ее исключительно женское население, члены которого, если им того хотелось, принимали у себя мужчин, совокуплялись с ними, а затем спроваживали своих гостей. Гордые и независимые, эти женщины, даже забеременев, умели обойтись без самцов. Я поведал Нуре о том, как Тита избрала меня в качестве производителя, забеременела, родила, не рассчитывая на мое дальнейшее вмешательство, и одна растила свое чадо. Однако я скрыл от Нуры недуг Титы, осознавая, что, если расскажу о глухоте и немоте Охотницы, Нура догадается о сильной физиологической составляющей нашей связи. Охваченный волнением – говоря о Хаме, я всегда испытываю

трепет, – я приступил к описанию важнейшего эпизода, того, что произошел во время потопа, когда Тита скакала верхом, прижимая к животу новорожденного сына, и, заметив меня на судне, бросила мне ребенка прямо перед тем, как Волна накрыла ее.

Страшная картина живо встала у меня перед глазами, и я залился слезами. Мысли о сыне, о том, как я впервые взял его на руки, напомнили мне, как спустя шестьдесят лет постаревший и одряхлевший Хам угас у меня на руках. От осознания быстротечности его жизни сердце мое снова рвалось в клочья. Хам, мой обожаемый Хам, которому я посвятил себя целиком, отныне стал только словом, одним-единственным произносимым мною словом.

Нура была потрясена, она прижала меня к своей груди, чтобы я мог выплакаться, и принялась слегка покачиваться, убаюкивая меня и бормоча:

– Понимаю, любимый мой, я тебя понимаю...

Эта внезапная задушевность утешала меня; возможность поговорить о любимом сыне с любимой женщиной успокаивала. Нура поднялась, принесла мне попить, предложила сушеных фруктов, которые хранила в своей котомке, и задумчиво проронила:

– Я принимаю ее, твою Титу. Она мне как сестра. Она была совершенно права.

Мне показалось, что в глазах Нуры блеснули слезы, я схватил ее за руку.

– А теперь, Нура, мне нужен твой ответ! Были ли у тебя...

На ее губах мелькнула горькая усмешка, и она договорила:

– Мужчины?

– Нет, дети.

Нура разразилась резким, неприятным, язвительным смехом – смехом, который причинял боль мне и ранил ее. Она посмотрела на меня долгим пристальным взглядом, будто змея, готовящаяся ужалить свою добычу, и выкрикнула:

– Нет!

И тотчас успокоилась, опустилась передо мной на колени, внимательно изучила мои сросшиеся пальцы, погладила мои руки, согрела их в своих ладонях и покрывала поцелуями.

– Как и Тита, я избрала тебя. Но в отличие от Титы, я хочу не просто ребенка *от* тебя, я хочу ребенка *для* тебя. Я хочу подарить тебе семью, Ноам.

– Так и будет, Нура. Не трави себе душу.

– Чем сильнее я буду раздражаться, тем меньше шансов, что это произойдет, я знаю. О Ноам, я сгораю от нетерпения...

Разумеется, в ту ночь мы предавались любви иначе, с особым смыслом, точно совершали сакральный обряд, возможно, даже больше с тщанием, нежели с желанием. Позже, когда, положив голову мне на грудь, Нура погрузилась в тяжелый сон, я вновь принялся распутывать ее слова, которые несколько дней назад привели меня в замешательство: «Время утратило смысл». Несмотря на удар молнии, Нура не изменилась. Даже наделенное нескончаемым долголетием, ее женское тело оставалось телом женщины: оно было подвержено циклам, ежемесячно теряло крови, создано производить потомство; это тело вело обратный отсчет, ибо было обречено не рожать. До самой глубины своего лона, до мельчайшей клеточки своего мозга Нура была создана, чтобы давать жизнь. И тогда я осознал, что бессмертие не может одинаково восприниматься существами мужского и женского пола. С точки зрения Нуры время утратило смысл. Она проживала вечность женщиной; да вот только вечность не была женской.

– Скоро, Ноам, скоро...

Нура обещала, и я, обнадеженный, радовался, что мы вскоре поселимся в долине.

Моя ревность утихла. Некоторое время я следил за Нурой и теперь знал, что на постоялом дворе, дающем кров путникам, она проживает со служанкой.

Затаившись в верхних ветвях густой ели, я наблюдал за их передвижениями. Люди появлялись с разных сторон, потому что заведение располагалось в стратегической точке, где стекались пять наклонных троп, сливались две реки, и откуда начиналась широкая дорога. Неко-

торые прибывали в лодке, однако большинство путников были пешими. Группами от пяти до тридцати человек, в сопровождении навьюченных тюками ослов, они шли с посохом в руке, с оружием на бедре и дубиной на поясе. Пока они обустроивались на постоялом дворе, их покрытые грязью и загаром изможденные лица выражали тревожное недоверие; затем кто-нибудь из участников похода становился на стражу и, опасаясь мелкой кражи, грабежа или потасовки, один глаз не спускал с товара, а другим следил за окрестностями. Высокорослые путешественники, в противоположность этим коренастым приземистым типам, поставлявшим медную или оловянную руду, обладали благородной внешностью, прямыми носами и глазами, чья изумрудная радужка контрастировала с угольно-черными волосами. Никогда еще я не сталкивался с наделенными столь суровой красотой лицами. Как-то в разговоре Нура сообщила мне, что эти господа перевозят из «страны дрожащих гор», далеко от Восходящего солнца⁷, драгоценный камень, лазурит.

В ожидании нашего переселения в долину я вновь занялся изучением растений – это был способ не расставаться с Нурой, когда она отправлялась к себе на постоянный двор, потому что свой интерес я унаследовал от ее отца Тибора.

Я не искал ничего определенного. Мне не на ком было испытывать достоинства той или иной травы, луковицы или корневища. А потому я сосредоточился на посланиях Духов: что говорят Душа кедра, Нимфы соседних источников, Боги белого анемона с золотой сердцевинкой или Демон метельчатого дрока? Я прибегал к медитации, которой меня обучил Тибор, – снимал напряжение мозга, чтобы он, переставая желать, потреблять и расходовать, на время терял всякую утилитарную связь со вселенной и позволял ее силам проникнуть в него.

Я стал приходить к дереву – гигантской сосне, разбросавшей себе подобных на почти-тельное расстояние и широко раскинувшейся над ними. Редкие ветви украшали подножие ее объемистого ствола, словно таким образом она стремилась стать неприступной. Затем ствол утончался и превращался в обильно снабженную ветвями стройную колонну, достигающую облаков на такой высоте, что я не различал ее вершины. Мощь этой сосны поражала меня. Даже оказавшись к ней спиной, я ощущал ее присутствие, она окликала меня, настаивала – и я разворачивался; тогда сосна требовала, чтобы я приблизился, приласкал ее, обнял, простерся у ее подножия. Опустившись на мягкое ложе подгнивающих игл, я бодрствовал, не находил себе места, коченел. Пусть мне хотелось уйти – ее власть предписывала мне остаться. Она держала меня в своих тенетах. И только раздиравший мои внутренности голод высвобождал меня из ее цепких объятий.

Я не осознавал влияния, которое она оказывала, покуда одно происшествие не просветило меня.

Когда я направлялся под ее сень, какая-то рыжая молния мелькнула у меня под ногами: на прогалине резвился возбужденный сияющим светом бельчонок. Заинтересовавшись, я последовал за ним – странно, но мне никогда прежде не случалось увидеть белку и не начать охоту на нее, как если бы древняя часть меня вновь вспоминала свои рефлексy. Ничуть не оробев перед величием сосны, зверек вспрыгнул на ствол, уцепился своими коготками и, помахивая пушистым хвостом, заскользил по коре, проворный, ловкий и верткий. Я тотчас же начал карабкаться за ним.

Увы, дерево отвергало меня. Мешала кора: она оказывалась то клейкой и вязкой, то шероховатой, занозистой и неровной, то рассыпалась под пальцами. Мне казалось, будто ветви специально отодвигаются, уходят у меня из-под ног, не даются в руки, так что я не могу до них дотянуться. Однако заметив белку, которая резво скакала надо мной, я продолжил подъем.

---

⁷ Это были афганцы, которые шли из Центральной Азии, из находящегося более чем в тысяче пятистах километрах Мерх-гарха в Пакистане или из Сари-Санга в провинции Бадахшан, в Афганистане. Упомянув «дрожащие горы», она, разумеется, имела в виду подземные толчки, часто сотрясавшие те земли. Караваны переносили лазурит – ультрамариновый камень с золотистыми блестками, в том тысячелетии ставший предметом всех притязаний.

Воспользовавшись довольно надежной развилкой в ветвях, я встал на цыпочки, опершись на какой-то внушительный шар, и слишком поздно понял свою ошибку: это было осиное гнездо! Оттуда вихрем вылетел рой – черный, яростный – и набросился на меня. Свободной рукой я отмахивался от крылатых насекомых, однако их полчище не отставало, жужжащие воительницы облепили мне лицо, грудь и ноги, некоторые вторглись даже в волосы. Они жалили, гудели, неотступно преследовали меня и непрестанно кусали, так что я едва не терял равновесия. Обезумев от боли и ужаса, я прилагал все силы, чтобы спуститься как можно скорее, я обдирал себе кожу, царапался, ранил пальцы и выворачивал лодыжки; наконец я спрыгнул на землю и упал, раскинув крестом руки. И в тот же момент оцепенел от пронзительного визга, а из голубого неба упала пунцовая стрела: возле меня о ковер сосновых иголок ударилась белка; она коротко застонала и с остекленевшим взглядом вытянулась.

Я бросился к реке и нырнул в нее, чтобы утопить метавшихся в моей гриве осатаневших ос. Мне пришлось довольно долго просидеть под водой, прежде чем узницы перестали шевелиться... Освободившись от них, с распухшей от укусов головой, я удрал к водопаду, чтобы унять зуд под ледяным душем. Придя в себя, я помчался на заросший подорожником луг, собирал листья в форме заячьих ушек, растер их между ладонями и наложил кашицу на свою волосатую шкуру; даже оглоушенный, я почувствовал мгновенное облегчение. После чего занялся поиском бесогонки, этих желтых цветков, которые питаются солнцем и отгоняют все тени⁸. Пройдя вдоль ручейка, я обнаружил их посреди солнечной лужайки, наполнил ими котомку и вернулся в пещеру. Там я отделил лепестки от стеблей: из первых приготовил настой, а из вторых отжал красноватый экстракт и обмазался им.

В тот день я был рад отсутствию Нуры: ее напугала бы моя отечная физиономия, распухшая и раздувшаяся от десятков укусов, а последнее лечение, которое я себе прописал, – натер зудящие места нарубленными корнями порея – сделало меня зловонным.

Сосна продемонстрировала свой характер: нрав тирана. Она привлекала к себе, только чтобы подчинить, но не принимала никого и ненавидела, когда ею забавлялись. Она не только отдалила другие хвойные, образовав опушку, в центре которой царственно возвышалась, она отвергла и сбросила белку. Если щедрое дерево служило домом для пчел и их меда, то это воинственное дерево давало приют лишь осам – так деспот отводит жилье для солдат.

Назавтра Нура от души посмеялась над моим злоключением и над моим видом – «Свинья с гривой!». Зато под предлогом того, что из кожи необходимо извлечь осиные жала, она посвятила много времени моим волосам – они явно были ее страстью.

– Холодное – горячее, холодное – горячее – таков наш образ действий.

Она, которая, к огорчению Тибора, путала растения и забывала их свойства, запомнила этот метод: согреть кожу, чтобы размягчить ее, извлечь инородное тело, остудить кожу, чтобы снова натянуть. Нура довела воду до кипения, перелила в бурдюк, потом приложила эту грелку к моей голове, поковыряла мне кожу костяным стилетом и послала меня сполоснуться под струями водопада. Эта операция повторялась шесть раз. После нее я чувствовал себя точно пьяный.

– Ну вот! – с гордостью произнесла она, причесывая меня.

От своего отца Нура унаследовала склонность заботиться, но не его знания. На судне во время потопа она, деятельная, милосердная, исполненная сострадания, неустанно уделяла внимание нашим товарищам; свой альтруизм по отношению ко мне она распространила еще дальше, проявляя бдительность на протяжении многих поколений; а после внезапного нападения ос с наслаждением нянчилась со мной. Странная Нура, исполненная противоречий, лени-

---

⁸ Так называли зверобой за его способность прогонять нечистую силу: бесогонка отгоняла злых Духов, которые мешали человеку жить, будь то ночью (бессонница) или днем (меланхолия). Но Тибор также заметил, что зверобой залечивает раны от укусов насекомых, инфекций или ожогов; он научил меня использовать его заживляющие, противовоспалительные и антисептические свойства.

вая, когда требовалось учиться, неумолимая, едва речь заходила о деле, сегодня беспечная, назавтра рассудительная, в высшей степени толковая, а потом – несобранная.

Я отвел взгляд от огромной сосны и сосредоточился на камнях, чтобы найти амулеты. В те времена все люди носили обереги в виде ожерелий, населенные благосклонными Духами талисманы с целительными свойствами, подарки родственников, друзей, колдунов. Люди благоговейно принимали их, больше доверяя дарителю, нежели дару. Но Тибор вынудил меня избавиться от подобной наивности: «Ты восприимчив, стань думающим». При помощи транса, опыта и медитации он дал мне возможность постичь энергию камней. Сжимая в ладони камешек, я ощущал его излучение, нечто, переходящее из минерала в меня, но главное – чтобы локализовать место, куда проникает сила, где она исцеляет и утешает, я отслеживал его вибрации в своих мышцах, конечностях и органах.

Я целыми днями просиживал на корточках, отыскивая турмалин и кварц. Восхищенный, придавал им форму жемчужин, подвешивал их на шнурок: умиротворяющий черный турмалин должен был приглушать мое нетерпение соединиться с Нурой, а розовый кварц – поддерживать мою страсть.

Однажды утром Нура объявила мне:

– Завтра.

Я непонимающе посмотрел на нее. Она ослепительно улыбнулась:

– Завтра ты спустишься к постоялому двору. Мы будем жить там вместе.

Остолбенев от радости, я только и смог промямлить:

– Почему не нынче вечером?

Она хихикнула и удивилась:

– Ты решил поторговаться, Ноам? Тогда почему не послезавтра?

Я поцеловал ей руки:

– Завтра будет прекрасно!

Помахав мне на прощание, она пустилась вниз по тропинке в долину и на ходу бросила:

– Жду тебя завтра на рассвете, любимый.

Я ощутил невероятное облегчение. Долгие месяцы, пока Нура регулярно наносила визиты ко мне в пещеру, я подвергался испытанию: она оценивала, достоин ли я быть рядом с ней, она меня тарировала, взвешивала, сравнивала. И наконец я одержал победу!

Взбудораженный и счастливый, я ощущал внутри себя бурление такой силы, что, желая дать ей выход, принялся безостановочно плавать, бегать и плясать. Но что поделаешь, ни одно упражнение не доводило меня до изнеможения! Жизненные соки с ликованием кипели в моих чреслах, плечах, шее и висках – я уже не владел собой.

У меня возникла идея: глаза лани! Если уж я покидаю этот рай земной, то отмечу прощание с ним специальным действием: глазами лани!

С самого начала моего пребывания здесь я заметил их возвышающиеся над моей головой длинные стебли. Есть эти населенные Демоном отравителем темные лиловатые ягоды считалось опасным. Раскусив одну, люди умирали ужасной смертью; грызуны хоть и заболели, но отделялись легче; одни только улитки и птицы переносили их, однако дети погибали, если съедали полакомившихся этой ягодой улиток или птиц. Растение прозвали «глазами лани» по двум причинам: его черный круглый и блестящий плод напоминал орган зрения лани; а от съеденной ягоды зрачок расширялся, сливаясь в единое целое с потемневшей роговицей, глаз становился блестящим и манящим – как глаз лани⁹.

---

⁹ Настоящее название глаз лани – «белладонна», что означает приблизительно то же самое. В эпоху Возрождения изысканные итальянки действительно использовали сок этого растения, чтобы привлекать. Поскольку содержащийся в нем атропин расширяет зрачок и делает глаз черным, глубоким – глазом лани (у всех нас такой в момент оргазма), – они вводили себе несколько капель под веки или накладывали компресс, становясь таким способом неотразимыми «прекрасными дамами», *bella*

Со свойствами этой ягоды меня познакомил Тибор, более сведущий, чем его современники. Если ее поглощение отравляло, вызывало тошноту, рвоту, учащение сердечного ритма, затруднение дыхания и судороги, то при соприкосновении со слизистой она становилась волшебным зельем. «Губы, анус, вульва», – твердил мне Тибор, коллекционировавший фасилитаторы – средства, ускорявшие и облегчавшие общение с Духами, в частности, мак и коноплю¹⁰, зависимость от которых он приобрел, а потому запретил их употреблять. Впрочем, я получил право на глаза лани в его обществе, под ивой на берегу Озера. Мы едва коснулись губами мякоти ягоды, и нас наполнили восхитительные галлюцинации: различные природные стихии плясали, напевали и нашептывали нам свои тайны...

В последний раз слиться с этим пейзажем, который я скоро покину, – вот чего я желал.

Тщательно отобрав десяток ягод, я опустился на колени посреди каменистого отрога. Он возвышался над зеленой долиной, открывая вид на соседние горы и лазурный простор небес: идеальное место, чтобы воспринимать видения.

Я раздавил ягоду, смазал ее мякотью нижнюю губу и подождал.

Возможно, я слишком спешил? Мне показалось, что эффект задерживается. Что его не будет.

Я сделал то же со второй ягодой и потерял ее мякотью верхнюю губу. И вновь, хотя я внимательно следил за тем, что делается внутри и вокруг меня, ничего не произошло.

Я в растерянности взирал на собранные мною сочные шарики. Неужели я ошибся? Перепутал с черникой? Я раскусил одну ягоду. Брызнувшее из нее хмельное, сладковатое вещество не имело ничего общего с черникой; это меня успокоило. Я машинально проглотил его.

По-прежнему ничего.

Меня посетило предположение: а что, если бессмертие изменило меня? Наверняка мне требовалась более крупная доза. Ведь не сдохну же я... Не раздумывая, я заглотил всю горсть ягод. Никакой реакции. Фасилитаторы Тибора больше не действовали на меня...

Спустя несколько мгновений меня сотрясла судорога. Спазмы терзали желудок. Я попытался вызвать рвоту. Слишком поздно! Глаза лани уже завладели мною.

Я опрокинулся на спину, сердце бешено колотилось, кожа мгновенно пересохла, мне не хватало воздуха, не удавалось сглотнуть... и начались галлюцинации.

Не стану рассказывать о дальнейшем, потому что моя память мало что сохранила, и эти ключья воспоминаний вызывают у меня отвращение или ужас.

Недомогание длилось три дня. Три дня, в течение которых я не мог покинуть каменистый отрог – поначалу не в силах шевельнуться, а затем пребывая в прострации. Три дня, когда тревога сменялась весельем, страх – молодечеством, а иступление – негой и сладострастием. Три дня, когда я пребывал бесконтрольным, не контролирующим себя и неконтролируемым.

Где-то глубоко во мне какой-то сохраняющий сознание беспомощный орган отсчитывал зори, сумерки и ночи и напоминал о том, что меня ждет Нура. Однако мое тело, весившее больше, чем бронзовая статуя на гранитном постаменте, было неспособно приподнять ногу, палец или веко.

Под конец третьего дня мне, с ног до головы покрытому блевотиной и экскрементами, удалось присесть. Однако очередная сонливость свалила меня.

На рассвете я встал.

Умылся в горной реке. Добавившийся к изнурению стыд делал мои движения неловкими. И все же мне удалось придать себе подобающий вид, и я помчался в долину.

---

donna по-итальянски. Впрочем, благодаря своим психотропным свойствам, белладонна делала их не только прекрасными, но и игривыми. Увы, чрезмерное употребление белладонны лишало их разума, то есть убивало. Кокетки во все времена флиртовали со смертью.

¹⁰ Каковые содержат, соответственно, опиум и каннабис.

Передо мной появилась соломенная крыша. При виде постоянного двора меня обуяла радость и, подобно волне, омывающей камень, унесла мрачные мысли.

– Нура!

Я приближался к деревянному дому.

– Нура! Я пришел!

Спеша обнять ее, я ускорил шаг и рванул дверь.

– Нура!

Комната была пуста.

Меня охватили худшие опасения. Я принялся рыскать по углам и закоулкам, шарил за дверными занавесами и тростниковыми перегородками. Ни платьев, ни обуви, ни украшений. Ни благовоний, ни притираний. Ни дорожного сундука. Никаких следов.

Нура ушла.

3

Когда я покинул постоянный двор, солнце хлестнуло меня по щекам, от жары едва не плавилась мозги. Права была Нура, что сбежала от меня! Можно ли упрекать ее за это? Она ждала меня, а я принял наркотик, обмарался, утратил связь с действительностью и пропустил наше свидание. Так что теперь по справедливости платил за свое падение.

Силы оставили мое вялое покачивающееся тело. Вокруг меня благоденствовала равнодушная природа, струились ручьи и подмигивали небесной лазури, радостно щебеча на все лады, порхали птицы, по поросшим густой травой склонам проносились дикие лошади.

Я рухнул под раскидистым дубом недалеко от постоянного двора.

В висках гудело, в носу жгло, я едва отваживался осмыслить произошедшее... Наверное, Нура прождала долгих три дня и в бешенстве ушла. А может, в первое же утро поднялась в пещеру и обнаружила меня на скальном выступе галлюцинирующим, неадекватным, осовелым и замаранным испражнениями. Что для меня могло бы быть хуже? В любом случае я ее потерял. Я зашелся в рыданиях, мощных и опустошительных, исходящих откуда-то из глубины моего существа, из самого моего нутра, из детства. Это были конвульсивные слезы мальчишки, осознавшего свое несовершенство и переставшего видеть себя героем. Пощечина осознания.

После стенаний над своей жалкой персоной я оценил отчаяние Нуры. Я разочаровал ее! Эта мысль обожгла меня. Даже не стыд за себя, а страдание Нуры убивало меня. Я почувствовал головокружение, стал задыхаться – и внезапно мне явилось решение: я должен суметь положить конец своим дням.

– Подожди!

Я вздрогнул. Действительно ли я что-то слышал? Я постарался затаить дыхание и пристально осмотрел окрестности. До меня доносился шепот, отчетливый шепот – не шелест листвы, не шуршание травы, не посвистывание птишек – шепот, показавшийся мне человеческим.

– Подожди!

На сей раз у меня не осталось сомнений. Я поднял голову.

В ветвях прятались двое, листва наполовину скрывала их. Едва поняв, что я их заметил, они затихли. Мы бесконечно долго смотрели друг на друга. Не будучи знакомы, мы испытывали одинаковое удивление: что мы здесь делаем – они там, наверху, а я у подножия дерева?

Одетые в бурюю холщовую одежду перепуганные женщина и девочка, прерывисто дыша, цеплялись за ствол и смотрели настороженно. У старшей, малорослой, без шеи, с крепкими руками и ногами, было широкое лицо в красных прожилках с выступающими скулами и широко раскрытыми глазами. Девчушке, рыжеволосой, тоненькой, скроенной по другим меркам, я бы дал лет десять.

– Спускайтесь. Я вас не трону.

Женщина смерила меня недоверчивым взглядом, будто мой вид свидетельствовал об обратном. И не шелохнулась.

– Мама, писать... – шепнула девочка.

– Подожди!

В знак добрых намерений я вытянул вперед руку ладонью кверху:

– Ничего не бойтесь.

Девчушка шевельнулась. Ее мать рявкнула:

– Я сказала, позже!

– Писать...

– Хочешь по морде?

Угроза уладила мочевой пузырь девочки. Мы были сбиты с толку, растеряны, боялись пошевелиться. И снова обменялись пристальными взглядами. Положение становилось абсурдным.

Я поднялся на ноги, отступил на несколько шагов, чтобы дать им свободу действий, и попытался наладить разговор, начав с банальной фразы:

– Вы здешние?

В смятии женщина еще больше замкнулась, зато девочка кивнула.

Я продолжал:

– Я ищу Нуру.

– Нуру? – прервала свое молчание ворчунья.

– Она держит этот постоянный двор.

Упрямец озадаченно выставила челюсть вперед. И тут мне показалось, что я узнал служанку, которую заприметил, когда шпионил за Нурой: то же тяжелое тело, та же непреклонность, тот же бурый цвет лица.

– Ты у нее работаешь.

Та с возмущением покачала головой:

– Я работаю у Ресли. Постоянный двор содержит Ресли.

Я догадался, что это псевдоним Нуры. Сделав вид, что признаю свою ошибку, я хлопнул себя по лбу:

– Ну конечно! И почему я сказал «Нура»? Ресли!

– Мне больше нравится Нура, – едва слышно прошептала девчушка.

– Плевать я хотела! – прикрикнула мать, чтобы заткнуть дочери рот.

Шло время. Женщина с опасливым негодованием смотрела на меня, не имея ни малейшего представления о дальнейшем, – будто курица, которая напыжилась, чтобы показать свою значимость, и ждет, чтобы расправились ее перья. В паузу между нашими репликами курица успела бы снести яйцо.

– Здесь ли Ресли? – рискнул я.

– Ресли ушла! – всхлипнула девочка. – Ресли увели какие-то люди. Злые люди.

В моем мозгу заметались самые разные мысли, и одна вытеснила все остальные: Нура не покидала меня; в ее отсутствии повинны какие-то люди, а не я! Во мне возрождалась надежда.

– Заткнись! – злобно приказала мамаша. – Нечего рассказывать об этом невесте кому!

Девочка взглянула на меня и покачала головой.

– Он не невеста кто, – склонившись, чтобы лучше разглядеть меня, возразила она. – Ты... Ноам?

Ее слова ошеломили меня. За этим тонюсеньким голоском я различил голос Нуры, она говорила со мной, моя нежная и внимательная Нура.

– Ноам, – трепеща, подтвердил я. – Кто сказал тебе мое имя?

– Писать!

На сей раз я широко распахнул руки, чтобы она прыгнула. Прежде чем мать успела отреагировать, девочка бросилась в пустоту. Когда я прижал ее к себе, она рассмеялась от радости. Ее неповоротливая, запутавшаяся в ветвях мать задышалась от злобы:

– Я тебе не разрешила...

Я поставил девочку на землю; она резво зашевелила худенькими ножками и исчезла в зарослях. Я развернулся к матери:

– Может, тебе помочь?

– Обойдусь.

Ее резкость успокоила меня: если бы эта глыба, которая сейчас, неловко цепляясь за ствол, ворочалась в ветвях, пытаясь выбраться, обрушилась сверху, как ее дочь, она бы меня раздавила.

Девчушка воротилась, медленно и мечтательно сорвала колокольчик, поднесла его к губам и, хлопая ресницами, посмотрела на меня:

– Это имя, которое она кричала три дня назад, когда те люди уводили ее. Она звала: «Ноам! Ноам! Ноам!» И озиралась – видно, думала, что ты совсем рядом, что придешь и защитишь ее.

Я вздрогнул:

– Кто эти люди?

Позади нас раздался шум падения. Я обернулся: мать, широко расставив ноги, сидела на траве и, довольная, что не провалилась сквозь землю, потирала копчик. Она выкрикнула:

– Чужаки! Они забрали Ресли и все ее вещи. Навьючили на ослів. И удрали.

Девочка потянула меня за руку.

– Одного я уже прежде видела.

– Нет! – рявкнула ее мать.

– Да! Много раз. Он старался понравиться Ресли.

– Все они стараются понравиться Ресли.

– Этого я запомнила, потому что у него глаз косит.

– Поди ж ты, все-то она заметит! – проворчала женщина, восхищенная наблюдательностью дочки.

Меня терзал один вопрос, крайне неуместный, однако я не удержался:

– Как Ресли ведет себя, когда мужчины пытаются подступиться к ней, такой прекрасной?

Приподняв свой увесистый зад, женщина бросила:

– Поначалу Ресли внушает почтение. Вот так-то... ее наряды, манеры, поведение, слова. Перед ней мужчины чувствуют себя мелкотой, сопляками. А потом появляется цветок.

– Цветок, от которого храпят, – взвизгнула девочка.

– От которого спят! – поправила ее мамаша. – Ресли добавляет его им в вино. Это их оглушает. И они валятся на тюфяки. Одни.

Я в то же мгновение изменил одно из своих суждений: из отцовского обучения Нура запомнила то, что ей было нужно. Женщина зевнула и поскребла ляжку.

– В то утро эти мужчины не пожелали ни есть, ни пить, ни отдыхать. Они пришли за ней.

– А что вы?

– Мы прятались на дереве. Ресли часто требовала, чтобы мы здесь сидели. И наблюдали. И предупреждали ее звуком рожка. В то самое утро, едва мы дали сигнал, Ресли вышла и радостно воскликнула: «Ноам!»

Я отвернулся. Неожиданно прозрев, женщина вытаращила заплывшие глаза:

– Так это тебя она ждала!

Девочка схватила мать за руку, прижалась к ней и указала на меня:

– Он ее возлюбленный, мама.

– У Ресли нет возлюбленного.

– Есть! Вот уже несколько лун она куда-то ходила. Она встречалась со своим возлюбленным.

Мамаша рассердилась. Проницательность дочери не укладывалась в ее неповоротливых мозгах. Постаравшись придать своему голосу самый издевательский тон, она выкрикнула:

– Выходит, я, когда отлучаюсь, встречаюсь со своим любовником?

– Ты же никогда не уходишь!

– Вот видишь!

– Потому что у тебя нет возлюбленного. – И девчушка подытожила свою мысль: – Если уходишь, у тебя есть возлюбленный. Если нет – у тебя нет возлюбленного.

Женщина затрясла головой:

– Эта девчонка выведет меня из себя.

Она нахмурилась и резко спросила:

– Ты, что ли, любовник Ресли?

– Да.

Она проглотила эту новость и бросила дочери:

– А я-то думала, она не любит мужчин.

– Мужчин она не любит, а вот его – любит.

Мамаша что-то пробурчала. Девочка подмигнула мне, что означало: «Уж я-то вас с Нурой понимаю».

Больше никаких сведений вытянуть из них мне не удалось, они не знали, по какой причине Нуру похитили. Я мог опасаться худшего... И все же кое-какие детали не позволяли пессимизму полностью завладеть мной: если похитители тщательно собрали одежду Нуры, если они сложили ее вещи в сундуки, чтобы унести их, значит ими руководила не жестокость, это был обдуманный поступок. Сценарий больше походил на похищение, чем на изнасилование. Они действовали не импульсивно, а по плану.

Я топтался на месте, не зная, какое принять решение. Броситься в погоню за ними? В каком направлении? Они опережали меня на три дня...

– Мама, надо отдать Ноаму подарок.

Девочка схватила меня за руку и потащила в лес. И через несколько мгновений остановилась перед сделанным на скорую руку загонем. Часть луга была обнесена соединенными бечевкой кольями.

– Она держала его для своего возлюбленного.

– А что же она мне-то ничего не сказала? – возмутилась догнавшая нас мамаша.

– Потому что истории про своего возлюбленного она доверяла мне.

Девчушка обволокла меня волнующим взглядом, это напомнило мне, как смотрела на меня Нура. Я смутился и опустил глаза.

– Для тебя! – объявила она, указывая на что-то посреди загона.

На нас с лаем бросилась собака. Несмотря на загородку, мать попятилась. Девочка вздрогнула. Я присел на корточки. Прекрасный пес среднего размера, полный сил, с прямой спиной, подняв хвост трубой, двигался с необыкновенной легкостью. Мое лицо оказалось на уровне его морды, и я прищурился, что на собачьем языке означает улыбку. Он заколебался, склонил голову на бок, пригнул стоящие торчком треугольные уши, внимательно и добродушно оглядел меня, убедился в моих добрых намерениях, вздохнул и улыбнулся мне своими ореховыми глазами.

Тогда я хлопнул в ладоши, и он радостно заметался по загону. Я отпер калитку, подобрал палку, сунул ему под нос и изо всех сил швырнул на опушку. Прижавшись брюхом к земле, пес ринулся за деревяшкой, схватил ее и горделиво принес мне. Чтобы позабавиться, я принялся отнимать ее, стараясь вырвать из его пасти. Он зарычал, я тоже, это его развеселило, и мы продолжали возиться.

Мамаша с отвращением скривилась. Я услышал, как девочка объясняет ей:

– Нура говорила, что ее возлюбленный обожает собак.

– Он их ест?

– Он их любит живых.

– Какой ужас!

– Мама, он не ест их живьем! Он с ними живет.

Вместе с принявшим меня неугомонным озорником я подошел к ним:

– Как его зовут?

Обе озадаченно уставились на меня. Я уточнил:

– Этого пса. Как зовут эту собаку?

Мамаша злобно ответила:

– Собаки не разговаривают.

После чего склонилась к дочери и со вздохом, без малейшего стеснения, высказалась в мой адрес:

– Может, это и ее любовник, но не больно-то он сообразительный.

Этот разговор вернул меня в детство. В отличие от своих современников, мой отец страстно интересовался собаками, что делало его всеобщим посмешищем – отпустить шуточку в его адрес могли сельчане, мои сестры и даже моя мать. Желая наладить контакт с собаками, он присматривался к ним, отбирал тех, которые могли бы пригодиться в деревне, и наслаждался возней с ними. Я разделял его горячее увлечение. Меня потрясло, что Нура об этом вспомнила! Ее продуманный приветственный подарок делал мою несостоятельность еще более отвратительной. Я страдал от того, что не появился вовремя, что не противостоял ее похищению, что спустя три дня оказался лишен каких бы то ни было улик или знаков, чтобы...

Тут меня осенило. Я кликнул пса:

– Ко мне, собака!

Я побежал. Он охотно последовал за мной. Решив, что мы затеяли соревнование на скорость, пес обогнал меня, затем сообразил, что мы направляемся в какое-то определенное место, и приноровился к моему шагу.

Я кинулся к постоялому двору, обшарил его, отыскал позабытое похитителями платье и сунул его псу под нос.

– Ищи, собачка, ищи!

Его нос учуял запах, однако в его глазах читалось недоумение. Я ладонями потер ткань перед ним.

– Ищи!

В качестве примера я поднес платье к своим ноздрям, понюхал, шумно втянул запах и насторожился. В собачьем взгляде блеснул огонек понимания: пес получил подтверждение того, что и так подозревал. Я опять сунул ткань ему под нос. Прикрыв глаза, он обнюхал ее, твякнул и выскочил из дому.

Мы рванули с постоялого двора. Пес, уткнувшись носом в землю и задрав вверх хвост, без колебаний выбрал одну из тропинок. Я позволил себе сделать небольшой крюк, только чтобы прихватить свою оставшуюся у подножия дуба котомку.

– Ты куда? – окликнула меня девочка.

– Догонять Нуру!

Пес мчался напролом. Две мои ноги не могли соперничать с четырьмя собачьими лапами, обеспечивавшими их обладателю бешеную скорость. К счастью, светлый кончик его хвоста, подобно трепещущему белому вихру, сиял в подлеске, словно знак единения; время от времени псу становилось совестно; тогда он бежал назад, сворачивал вправо, вглядывался во тьму слева, топтался по кругу – и это позволяло мне догнать его, прежде чем он снова пустится рысью.

Когда тропинка разветвилась, меня посетило опасение, что он собьется и совершит ошибку. Однако он решительно выбрал один из двух путей и в несколько прыжков оказался на краю канавы, где принялся нетерпеливо фыркать и захлебываться лаем. Я подбежал и обнаружил то, что привело его в такое возбужденное состояние: в траве лежала заколка для волос. Заколка, принадлежавшая Нуре.

Взбудораженный пес внимательно посмотрел на меня. Полагая, что задача выполнена, он ждал моих похвал. Я присел и в смятении стал вертеть в пальцах медное украшение. Нура обронила заколку на этом перекрестке специально, чтобы я ее нашел. Меня охватило волнение: Нура рассчитывает на меня, она по-прежнему меня ждет.

На глазах у меня выступили слезы. Пес удивился, понюхал мои мокрые веки и боязливо их лизнул.

Я благодарно взглянул на него и энергично потрепал шерсть на его груди; сперва мои прикосновения показались ему странными, но затем стали приятны. Вскоре, блаженно закрыв глаза, он уже замер в моих объятиях. Когда же от непомерного наслаждения ему сделалось не по себе, я прекратил свои ласки, вынул из котомки копченого муфлона, отгрыз кусок и протянул псу. И тут я увидел, как разделилась его сущность: резцы инстинктивно схватили мясо, отправили вглубь пасти, где коренные зубы шумно размолотили его; а собачьи глаза, как если бы они парили где-то над плотоядными инстинктами хищника, с благодарностью смотрели на меня.

После этой краткой передышки я снова достал платье Нуры и сунул его под черный блестящий нос, давая псу понять, что нам надо продолжать поиски.

Не стану в подробностях описывать два последующих дня. На каждом пересечении тропок Нура оставляла какой-то аксессуар из своей прически; ошибиться было невозможно, мы неизбежно догоним Нуру и ее похитителей. Желание доказать ей, что она сделала правильный выбор, стремление схватиться врукопашную с бандитами удесятарили мою энергию, и я делал минимум остановок. Хотя пес предпочел бы просто пошляться по лесу или вздремнуть, он, жаждущий убедить меня, что достоин звания верного товарища, выказывал не меньшую настойчивость, чем я.

На третью ночь мы остановились на краю поляны. Я развел устрашающий костер, который позволил бы псу ослабить бдительность и поспать. Прижавшись друг к другу, мы тут же уснули под одной накидкой, защищавшей нас от сильного холода.

Когда наутро я открыл глаза, меня ослепила неожиданная белизна: выпал снег. Вокруг царил тишина.

Пес рывком вскочил, сунул носом в рыхлый снег и принялся кусать его, отплевываться, валяться в нем, от восторга он вилял хвостом и возбужденно без цели метался под белыми хлопьями.

Я же помрачнел. Теперь я уже ничего не смог бы различить, а пес потерял обонятельный след. Вдобавок толстый слой снега покрыл оставленные Нурой метки.

В течение целого дня я спорил с судьбой. И все же, погружаясь в болото, соскальзывая с обледенелой скалы, проваливаясь в лисью нору, был вынужден признать очевидное: под этим белесым ковром я не найду ни одного ориентира.

Нура томила в плену, а я не знал где.

* * *

Таяние заняло неделю.

Снег изменил пространство, очертил тропинки.

Едва появилась почва, грязная, размокшая, скользкая, я понял, насколько мы заблудились... Мы с собакой находились посреди леса. Тогда в надежде добраться до низины я отправился вдоль ручейков: Нура говорила, что караванный путь никогда не отдаляется от реки.

Однако едва я определил, где он проходит, как мою надежду вмиг рассеял перекресток, от которого расходились три тропы. Несмотря на то, что я обшарил не только их, но и прилегающие канавы, мне не удалось обнаружить никакой вещицы: то ли похитители положили конец уловкам Нуры, то ли у нее закончились предметы, которые она могла бы оставлять мне как подсказку.

Несколько дней меня терзали сомнения. Что делать? Необходимо было что-то предпринять, но что?

Пес исследовал окрестности, рыл землю, вынюхивал, охотился на зайцев, крыс, землероек. Он частенько приносил мне в зубах свой трофей, теплый трупик. Признаюсь, его наивная гордость ненадолго вырывала меня из лап меланхолии, и я горячо хвалил его.

Именно тогда я дал ему имя. Я крикнул: «Гад!» Он не отреагировал. Затем я попробовал «Миф», «Дор»¹¹, но он и глазом не моргнул, хотя я произносил эти имена громко и властно. Я бросил: «Роко». Пес с интересом поднял голову. Я повторил: «Роко», – и он, довольный и покорный, поскуливая, подошел ко мне. Понравилось ли ему это имя? Или он уже прежде на него откликался? Не знаю, что произошло в его прекрасном плоском черепе... С того дня он стал именоваться Роко.

Вечером полнолуния я наконец принял решение: буду бороздить землю до тех пор, пока не отыщу Нуру.

Обойду всю землю. Перерою ее всю.

Я двинулся по караванным путям.

Тропа – это память, которую земля хранит о людях. Она создана не для того, чтобы идти, – скорее, она создана идущими. В масштабе вселенной путники со своими осликами ничего не весят, они проходят; однако их прикосновения пригибают траву, их шаги полируют глину, их быстрые ноги формируют борозду. Самое ничтожное в конце концов выдалбливает свой знак¹².

Тропа отличается от дороги – в те времена дорог не существовало. Тропа остается путем, добытым с позволения и согласия пейзажа, ибо она следует его движениям, а отвлеченно замысленная геометрами дорога перерезает его и наносит ему ущерб. Тропа сочетается с пейзажем – дорога его оскверняет.

Каждую неделю мне встречались три или четыре каравана, состоящих из чудовищно навьюченных носильщиков и ослов. Сгибаясь под своей ношей, они уступали только гнету усталости и склоняли головы, потому что тосковали. Косматые и заросшие, одетые в замызганные плащи, они уже не любовались стройными деревьями, обилием цветов на берегах, небом у себя над головой и уж тем более – степными просторами или зубчатыми горными отрогами. Едва заприметив их, я подражал их походке и превращался в утомленного путника. От них всего можно было ожидать: что они не обратят на меня внимания или заведут со мной разговор, пригласят перекусить или попытаются обокрасть – человеческое поведение своим разнообразием сравнимо с растительным миром. Мое внезапное появление мгновенно вызывало их недоверие: я брел один, без тюков, в обществе собаки, которая настолько сжилась со мной в своих реакциях, чуткости, стойках и ритме, что казалась частью меня. Из осторожности я позволял незнакомцам заговаривать со мной по-своему, увлеченно или сдержанно; если между

¹¹ Гад – имя персонажа Ветхого Завета, одного из библейских пророков. Дор – персонаж древнегреческой мифологии. – Примеч. перев.

¹² Щебенка не имеет памяти, никто не оставляет на ней своих следов. Неблагодарная и равнодушная, она забывает и отвергает. Если же она изменяется, то лишь под воздействием непогоды. Я не испытываю к щебеночным дорогам той нежности, которую храню к протоптанным по земле тропинкам.

нами устанавливалось доверие, я исподволь задавал вопросы, связанные с Нурой. Увы, я никогда не получал из их уст никакой информации; они годились лишь на то, чтобы указать мне ближайшее населенное место.

Прибывая в те селения, в основном живущие земледелием и немного – торговлей с караванами, я, чтобы хоть что-то разведать, обычно ночевал на постоянных дворах, даже если моему товарищу приходилось оставаться на улице. Но Роко, как ни старался, ни разу не обнаружил следов Нуры; пес сконфуженно, почти виновато смотрел на меня.

Где ты, Нура?

Кстати, я пытался договариваться с трактирщиком, чтобы расплатиться за постой. В разных местах мои предложения отвергались по разным причинам. Здесь гнушались зайцами или куропатками, потому что все охотились на них; там отворачивались от изделий из кварца, потому что предпочитали бронзу; чуть дальше отказывались от резных деревянных тростей, которые я мастерил вечерами. Мне случалось торговаться подолгу и жестоко, к чему я не имел ни малейшей склонности. Некогда в моей деревне и в окрестностях Озера меновая торговля была упорядочена по обоюдному согласию; а главное – преобладало доверие, весьма полезное между живущими бок о бок людьми. Ради добрососедских отношений влезали в долги или обещали заплатить позже, в удачный сезон; так за приобретенные зимой орудия земледельца брал на себя обязательство летом отдать ячменем. Кредит существовал раньше денег. Мы все были должниками друг друга, надежными клиентами, что позволяло нам достигать равновесия в отсроченных платежах¹³. В путешествии эта гармония исчезала и консенсус достигался лишь в суровых боях.

Из-за постоянных переходов мы перестали замечать усталость. Я отвык видеть знакомые лица, цветы или деревья. Мое странствие меня не томило, у меня не было никаких определенных мест назначения, никаких обязательных привалов, никаких погрузок или разгрузок, и одни дикие просторы сменялись другими. Сейчас, когда я вывожу на бумаге эти слова, я описываю вчерашний мир сегодняшними глазами. Выражение «дикие просторы» ничего не значило: кроме этого, ничего и не было! Что же до возделанных клочков земли, крошечных, соседствующих с селениями, они ничем не нарушали пейзаж¹⁴.

Обойти всю землю... Нынешним людям такое решение покажется наивным. Но не человеку моего времени. Что мы тогда знали о мире? Мы не располагали никакими сведениями о его размере или форме. Ничего о нем не зная, мы его воображали.

Представляя себе землю, я воображал накрытый сводом диск. Наблюдение подтверждало наличие двух этих округлостей: поначалу, по мере того как я поворачивался, описывая кольцо вокруг себя, горизонт казался ровной дугой; потом солнце, луна и звезды скользили по полусфере, появляясь с одной стороны и исчезая с другой. Но вот представлять себе землю шаром мне вообще не приходило в голову; а уж тем более уподоблять ее небесным планетам. Вопрос «На что опирается земля?» был выше моего понимания; я опирался на нее, и этого мне было достаточно. Мое представление о вселенной основывалось исключительно на моем чувственном опыте и отвергало все, что ему противоречило.

¹³ Меновую торговлю определяют как экономику до появления денег. Я полагаю, что это ошибка. Мы давно опередили бартер. Чистый обмен ставит лицом к лицу двоих людей, каждый из которых стремится получить предмет, коим владеет другой. Необходимо, чтобы в определенный момент произошло совпадение потребностей, – так я однажды вечером, в грозу, обменял камень на жировую лампу. Однако подобная обоюдность случается редко: зачастую одному из двоих приходится принять переходный товар, если он знает, что использует его при следующем обмене. В подобных случаях бывало, что люди соглашались на промежуточные ценности, которые не удовлетворяли их непосредственное желание и могли послужить в будущем. Короче говоря, большую часть времени имелся предмет замены, игравший роль денег. Когда монеты и банкноты еще не появились, их концепт уже присутствовал в нашем сознании. Мы не занимались меновой торговлей, мы совершали обмен. А посему денежная экономика предшествовала деньгам.

¹⁴ Нынче «дикие просторы» – природные парки, заказники диких животных – существуют только благодаря нашей доброй воле и политическим решениям. Чтобы добиться минимального почтения к природе, ее защитники вынуждены героически сражаться против алчности и стремления к повышению производительности.

Со времени моего рождения мир увеличился: ребенком я считал, что он ограничен Озером и его берегами; потоп разрушил это куцее представление и выплеснул меня в необъятный мир. Однако и он не был бесконечным. А посему я полагал вполне реальным обойти всю землю, чтобы освободить Нуру. Тем более что мои поиски суживал один критерий: я искал ее только там, где могло находиться ее узилище, – в местах проживания людей.

Я повидал скалистые плато и покрытые облаками или снегом горные вершины. Я повидал горячие пустыни, бесплодные степи, обильные луга и вулканы, извергающие лаву, которая превращается в черную засохшую пену. Я видел высокое небо и низкое небо, чистое небо и мрачное небо, и пепельное небо. Я видел озера, которых едва касается легкий бриз, и болота, которые ветер даже не морщит. Я видел зеленое море колышущихся холмов, изобильные долины, тенистые рощи, гигантские папоротники и хлопья снега в разгар лета. Великолепная природа никогда не мелочилась и щедро показывала мне все свои лики, порой трагические, порой однообразные.

В отношении природы я не чувствовал себя чужаком, зато был им среди людей. По мере того как я продвигался вперед, языковые различия все больше изолировали меня. Поначалу в соседние земли, изменяясь по смыслу или произношению, передавались отдельные слова; потом лингвистические связи ослабли и порвались, а я отважно проник в сообщества, где незнакомцы употребляли только незнакомые слова в незнакомом порядке – случалось, от моего понимания ускользали даже звуки. С тех пор я принялся подражать Роко, которого ничуть не смущали подобные расхождения, так как он всегда изъяснялся при помощи жестов, взглядов, интонаций, прыжков или стоек. Затем я взялся тренировать свой ум, заучивая основные выражения, например, приветствия, благодарности и названия пищи. И хотя мне редко удавалось смастерить фразу, мои усилия разобраться в наречии местных жителей располагали их ко мне.

Однако подчас языки, подобно непроходимым колючим кустарникам, мешали мне проникнуть в какую-нибудь деревню; к трудностям общения добавлялось враждебное недоверие. И тогда, быстро окинув селение взглядом и убедившись, что ни один дом не скрывает Нуру, я отступал и возвращался в лесную чащу, на постель из мха у подножия дуба.

Иногда мне случалось присутствовать при меновой торговле. Как участникам караванов удавалось раздобыть сырье? Казалось бы, многообразие языков должно противодействовать коммерции. Напротив, оно делало ее возможной.

Караванщики и представители племен изобрели безмолвный обмен без непосредственного контакта. Прибывая, например, к золотоносной местности, караванщики раскладывали свое имущество – соль, ткани, бронзовые ножи, керамические изделия, кожи – вдоль реки и изо всех сил били в барабаны, а затем отступали. Из рудников выходили обнаженные туземцы, поднимали товары, рассматривали и, если желали заполучить их, выкладывали рядом золотую руду, после чего тоже исчезали. Вскорости вновь появлялись караванщики. Если они соглашались на обмен, то забирали руду и оставляли свой груз. Если же полагали, что плата недостаточна, били в барабаны и снова скрывались. Тогда опять подходили туземцы и в случае необходимости добавляли еще самородков; караванщики возвращались – и так вплоть до окончательного сговора.

Ни одна сторона не шла на риск обобрать другую: это положило бы конец дальнейшему обмену, караванщики больше никогда не вернулись бы к ворам, туземцы никогда больше не стали бы иметь дела с мошенниками. Разумеется, рудокопы не знали, почему караванщики так восторгаются камнями, которых у них полно, но это было не важно: ведь они нуждались в предлагаемых товарах. Сделку регулировала обоюдная выгода, основанная на страхе и заинтересованности. Безмолвная продажа обеспечивала настоящую торговлю, которая велась не словом, а делом.

Я восхищался этой коммерцией. Такой подход позволял преодолеть взаимное сомнение. Все местные встречались внутри селения, там царило доверие, допускавшее обещания, долги, отсроченные платежи. Между селениями – ничего подобного, поскольку отношения усложнялись страхом перед чужаком и языковым барьером. Благодаря гениальному озарению безмолвная торговля создавала нейтральное пространство на границе территории, где честно совершался обмен, превращенный в обряд¹⁵.

После долгих месяцев скитаний тропа закончилась. Она прервалась на середине почти лишенного растительности склона горы, на краю темного лаза, откуда, зажав в зубах медные самородки, внезапно выбирались голые рахитичные дети с бедрами, иногда более сильными, чем икры.

Среди унылого пейзажа последние изгибы тропы приводили меня только к рудникам, где ценой своей жизни несчастные люди доставали из недр земли то, что продавали купцам. Вот уже несколько месяцев я сомневался, что Нура, несравненная и властная Нура, добралась сюда, а никто этого не заметил; еще одно неудобство того, что я не понимал языка, на котором там говорили.

Я достиг конца тропы, но не границы мира. Взобравшись на вершину, я понял, что каменистая пустыня простирается и за горой, хотя там явно не могло бы проживать ни одно человеческое существо.

Назад!

Я обдумывал возможность вернуться, избегая посещать те же места, и мне это удалось. Дорога шла вдоль другой реки и подарила мне новые селения, иные пейзажи. Я ощутил нечто вроде эйфории: если позади меня ничего нет, то впереди всегда что-то есть.

Где ты, Нура?

Ходьба вдохновляла меня. Прилагаемые усилия приказывали мозгу отдалиться главному, а усталость требовала внимания к важным размышлениям и отторгала ничтожные. Эта грандиозная прогулка классифицировала их, располагала в порядке их ценности. Моей жизнью руководило чувство. Чувство, которое пробуждала природа, вызывала Нура и будоражил мой спутник. Да, признаю во всеуслышание: Роко занимал важное место в моей жизни. Я во второй раз познавал дружбу – эту совершенную гармонию желаний и характеров. Этому чувству научил меня мой дядюшка Барак, друг былых времен; мой нынешний друг Роко совершенствовал его. Мы наслаждались плодами взаимной любви: моя энергия вдыхала энергию в него, а его бодрость подпитывала мою; мой отдых запускать его разрядку, его расслабленность углубляла мой сон; если один из нас в течение дня не обращал внимания на голод, то и другой тоже; первый, кто находил что-то съедобное, делился с другим; стоило нашим взглядам встретиться, как мы ощущали мгновенное, явственное, неудержимое блаженство; по чьей-то необъяснимой милости мы испытывали подлинное счастье, просто дыша одним воздухом. Мы вместе засыпали, привалившись к пням, в лесной чащобе, в пещерах или среди скал. Нас не пугали ни холод, ни дождь, ни ветер – только медведи и волки. Днем я защищал Роко, вооружившись палкой, а он, оставаясь на чеку, охранял меня по ночам. Сколько раз я сквозь сон слышал, как он воет. Нет ничего ужаснее воя собаки в кромешной темноте! Проснувшись, я бросался к разведенному костру, подкидывал дрова, вытаскивал из угольев горящую ветку и махал ею вокруг нас. Роко умолкал, проверял по звуку и запаху отступление хищника, после чего со стоном успокаивался. Или же яростно лаял, и тогда я вновь прибегал к своим методам устрашения. Мы были великолепной парой.

¹⁵ В этом безмолвном обмене я всегда видел первоначальную форму дипломатического иммунитета. Некое место определяют как нейтральное – посольство, конгресс, саммит, – и люди, даже враги, приходят туда, чтобы мирно беседовать. В течение переговоров они считаются неприкосновенными. Самое важное – это возможное соглашение. Если спорный вопрос не разрешается, все расходится. Так объединяются соперничество и сотрудничество.

Однажды утром у меня учащенно забилося сердце: мои органы чувств вспомнили эти места. Глаза сообщили, что мне знакомы очертания далеких гор, ухо подтвердило это пением птиц, кожа – влажной плотностью воздуха, а нос – еловым запахом.

Уверенно и стремительно я двинулся вдоль реки, спешащей не меньше моего.

И внезапно вышел к постоялому двору. Туда, откуда начались мои странствия. Меня охватила нежность. Я еще не вернул Нуру, но мне возвращали ее воспоминания, присутствие Нуры пропитало эти места, и я ощущал в них какую-то ее частицу. Потрясенный, я опустился на камень поблизости от луга, на котором стоял деревянный дом.

Раздался возглас:

– Ну и ну!

Шествуя среди трав с корзиной в руке, меня заметила тучная служанка, та самая, которую я обнаружил с дочкой в ветвях дуба. Она помахала мне рукой, я ответил. Обрадованная, она повернулась к постоялому двору и взволнованно выкрикнула:

– Нура! Ты только глянь! Скорей!

* * *

С порога на меня с улыбкой смотрела какая-то девушка, которую я, входя, едва не сбил с ног. Я оглядел полутемную комнату и заметил соломенные тюфяки, на которых дремали караванщики.

– Нура?

– Я здесь.

Я обернулся и снова наткнулся на рыжую девушку; та кивнула и повторила:

– Я здесь.

Я застыл на месте с разинутым ртом. Она пояснила:

– После твоего ухода я велела всем, включая маму, называть меня Нурой.

Тут я узнал девочку, что сидела тогда на дереве возле матери. За время моего отсутствия она вышла из детского возраста. Созревание придало ей округлость и некоторую мягкость; из тощей она превратилась в стройную.

– А где Нура, настоящая? – возразил я. – Та, которую вы называете Ресли?

Она удрученно сообщила:

– Мы больше никогда ее не видели.

В одно мгновение я пал духом и всем телом ощутил, до чего устал.

Совершенно убитый, не в силах избавиться от разочарования, я вышел из дома. Обрадованный возвращением в родные места Роко встретил меня лаем. Замкнувшись в себе, я проклинал обеих женщин. Я упорно и твердо, невзирая на неудачи, не драматизируя ситуацию, три года шел по следу Нуры; и вот теперь эта парочка подкосила мои силы, внушив внезапную и безумную надежду. Нура! По какому праву эта девчонка присвоила ее имя? Нура! Почему эта тупая свиноматка терпит капризы своей соплячки?

Где ты, Нура?

Роко потребовалось много терпения. Он скакал и вертелся вокруг пня, на котором я сидел, приглашал поиграть, терся о мои ноги, лизал мне руки и передними лапами месил мне ляжки, пустив в ход все свои возможности. Когда же он притащил мне землеройку, чтобы я перекусил, я рассмеялся и наконец расстался со своей тоской. Ничего не изменилось: еще недавно я бродил по миру в поисках Нуры, так что я просто продолжу... ласковым тычком я отблагодарил Роко за преподанный мне урок.

После исчезновения Нуры мать с дочерью занялись постоянным двором, предлагая путникам стол и ночлег. Вечером, за приготовленным для меня рагу, они спросили о моем стран-

ствии. Я не испытывал ни потребности исповедаться, ни желания признать свое поражение, пусть даже временное, а потому ограничился несколькими историями.

В любом случае для псевдо-Нуры мои слова оказались излишними, ей было достаточно смотреть на меня. Уже давно я не ощущал на себе такого ласкающего взгляда – взгляда, возвращавшего мне мою плоть двадцатипятилетнего мужчины, напоминавшего мне, что я пленял женщин, что их привлекала моя крепкая мускулатура, что мои мощные плечи ободряли их, что они обожали запускать пальцы в мои длинные черные волосы. Этот взгляд будоражил меня тем более, что казался мне принадлежащим сразу двоим: с одной стороны, девушке-подростку, чье тело обладало физической притягательностью, а с другой, образцу – Нуре, идеалу, которым девчушка притворялась. Ее желание наполнялось страстью моей возлюбленной, что неизбежно пробуждало мои аппетиты. Помимо того, что она завораживала меня, ее вожделение, сквозь которое мерцала душа Нуры, начинало делать ее для меня неотразимой.

– У меня для вас есть подарки.

Не смея поверить в мои слова, мать с дочерью вздрогнули и переглянулись. Они еще никогда не получали подарков. Я вытащил из котомки два коротких бронзовых кинжала, которые выменял по пути.

– Возьмите. Две одинокие женщины не могут оставаться без защиты.

Затем, прервав поток их благодарностей, я протянул барышне медные заколки Нуры.

– Научись с их помощью причесываться так же красиво, как Нура.

От волнения у меня изменился голос: мне показалось, что я говорю о покойнице. Девочка с восхищением повертела драгоценные заколки в руках. Мать полюбовалась ими и уставилась на мою котомку:

– А мне?

Перед ее невинным простодушием я достал из кармана камешек и вложил ей в ладонь:

– Этот магический камень убережет тебя от напастей. Если ты ежедневно будешь согревать его в руках, тебя не постигнет никакая печаль.

Глаза у нее расширились, и она взволнованно закивала, поверив, что обладает высшим сокровищем.

В ту ночь я спал плохо. Я забился в самый отдаленный угол, Роко прижался к моей ноге; лежа на тюке соломы, я старался не думать о юной девушке и при этом неотступно думал о ней. Вот незадача! Снова стать мужчиной... стать мужчиной в глазах женщины... чувственным и ищущим любви. Это возрождение тревожило меня и отвлекало от моих планов. Пытаясь успокоиться, я вертел в руках подаренный мне Нурой черепаховый гребень.

На заре я, не попрощавшись, покинул постоялый двор. Я не уходил, я бежал.

Я выбрал одну из тропок, вошел в привычный ритм ходьбы и вновь отправился исследовать мир. Роко бежал впереди.

Где ты, Нура?

* * *

– Реки ищут море. А ты?

Посреди освещенного площадками жилища в меня в ожидании ответа вглядывался старик. За эти годы мы неоднократно сталкивались с ним – он провожал обозы, которые перевозили олово, продукт, необходимый всем литейщикам бронзы. В тот вечер мы с ним решили вместе поужинать.

– Я ищу женщину.

– Их множество.

– Одну-единственную, – заверил я.

Он отошел, плеснул себе вина из фляги, отхлебнул, побулькал им, проглотил и прищелкнул языком.

– Ненормальный!

Это было последнее слово, которое я от него услышал. Когда мы встретились снова, он отвернулся.

Каждый месяц мои поступки уводили меня все дальше от общепринятого поведения. Эти люди тяжело работали, трудно добывали себе средства к существованию, им едва удавалось прокормить семейство; я же, свободный, без цели бродил по земле в компании своего пса.

Останавливаясь в деревне, я прочесывал ее и совал Нурино платье под нос верному псу. Однако мои скитания почти неуловимо изменились. При малейшей возможности я покидал тропки и наудачу углублялся в заросли, чащи и луга, предпочитая непролазные леса и скрытые опушки. Вместо того чтобы искать, мое тело само пролагало путь. Мне нравилось сливаться с растениями, зверями, камнями, бескрайним горизонтом и безграничным небом, чтобы их силы проникли в меня, а их ток побежал по моим жилам. Большая лесная спальня щедро дарила меня дивными ночами, а на заре крик петуха предшествовал великолепию, которое мне предстояло увидеть.

Хотя цель моих странствий – освободить Нуру – по-прежнему стояла передо мной, огромность пространства и времени и щедрость окружающей меня природы постепенно заслоняли ее. Вселенная открывалась мне, а я открывался ей. Я шел среди доказательств существования мира. Мой восторг не ослабевал. Красота снимала усталость. Со всех сторон звучало приказание жить.

Во время этих бесцельных блужданий мы с Роко испытывали одинаковую сумасшедшую радость, ибо были детьми одной матери – природы. Я должен был все увидеть, он – все обнюхать. Мы шли не схожими путями: он пересекал пахнущий лес, я – видимый; общим для нас был только слышимый, потому что я, как и он, обладал острым слухом. Тогда как я превращался в зрачок, обожествлявший вселенную, Роко весь становился своим носом и неустанно воздавал ей должное.

Где ты, Нура?

Обойти весь мир, чтобы найти тебя.

Этот мир... Как обозначить его размеры? Тогда мы всё определяли по сравнению с человеком. Наше тело было для нас единицей измерения – пальцы, локти, ноги, шаги, – так что мы представляли расстояние по сравнению с ним. Другая мера зависела от глаза. Если мы обозревали отдаленное, то наталкивались на границу – предел видимого. Что находилось за ним? Да и было ли там что-нибудь? Да, было, потому что по мере приближения горизонт отдалялся: мы не касались его, мы его отодвигали. Ноги и глаза были заодно. Мои ноги сообщали мне, что земля не ограничивается зримым пейзажем; что назавтра мое передвижение продлит его. Невидимое сводилось к еще не увиденному.

Где ты, Нура?

– Спроси у Бога горы. Чего бы ты ни хотел – совета, здоровья, богатства, женщину, – спроси Бога горы.

Свой совет крестьянин подтвердил многозначительным кивком. Его братья, кузены и дядя согласно пробубнили:

– Попытайся.

– Пади ниц перед Залмоксисом.

– Он поможет тебе.

Я уже наслушался подобных советов; но теперь, скитаясь по затененным хвойными лесами ложбинам, я вот уже несколько дней предчувствовал, что произойдет нечто необычное. Редко случалось мне слышать столько обнадеживающих историй об исцелениях, толкованиях снов, посредничестве предков и примирениях с Духами природы. К тому же эти пейзажи,

напоминавшие мне землю моего детства, ее реки, леса, медведей, волков и рысей, внушали мне непринужденность в общении с местными жителями, которая раскрывала для меня суть их верований.

Когда при мне впервые упомянули Залмоксиса, я пожал плечами. Этот образ вызывал такой восторг, что говорившие в смущении сбивались. Кем был этот Залмоксис, человеком или Богом? Царем или Демоном? Обожествленным самозванцем или реальной властью? Впрочем, постепенно я и сам начал испытывать почтение, которое вызывало это необыкновенное существо, и, хотя даже враги уверяли, что время от времени он требует человеческих жертв, решил нанести ему визит. Что мне было терять? То, что я мог потерять, я уже потерял: Нуру. Я ничем не рисковал, желая получить какие-то сведения от этого знаменитого Залмоксиса.

Так что я в сопровождении своего пса предпринял паломничество на гору Когайонон¹⁶.

Она находилась в регионе умеренного климата, на юге горной системы, которую позже называли Карпатами. Долины там пестрели всеми оттенками зеленого: желтовато-зелеными были луга, нежно-зелеными – молодые лужайки, коричневатозелеными – мхи, темно-зелеными – хвойные деревья, а далекие горные вершины – голубовато-зелеными; белые известняковые склоны отливали столь нежными сероватыми нюансами, что не будоражили, а привлекали.

Мои проводники, двое братьев из соседней деревушки, сообщили мне, что здесь повсюду полно пещер, однако мы располагаем только временем, необходимым, чтобы посетить ту, где пребывает Залмоксис. По пути они рассказали, что Бог не пьет ни вина, ни пива, никогда не ест мяса и ввел для своего окружения вегетарианскую диету. Одна подробность изумляла их: отвращение Залмоксиса к детям; он запрещал им приближаться к нему.

Мы миновали естественные своды, созданные Духами камня, и оказались перед мощной скалой. Подход к ней закрывала деревня, дома которой были построены из еловых бревен. В нескольких загонах содержались козы и куры.

Путь нам преградили трое стражей. Мои проводники по-братски обнялись с ними. По тому, как чрезмерно они выражали дружеские чувства, я предположил, что угодить этим держимордам – необходимый этап. Провожатые посоветовали мне вручить первый подарок. Я преподнес шкуру рыси. Довольные стражи приняли мех, проводили меня до пролома в скале и передали четверем жрецам, каковые забрали мой второй дар – бронзовую чашу – и велели ждать.

Прежде чем удалиться, проводники предупредили меня, что Залмоксиса не принято тревожить во время дневного отдыха. «Бог, который спит? – подумал я. – Это пахнет мистификацией».

Жрецы уселись по-турецки и задремали. Солнце лениво склонялось к горизонту. Роко скучал, я тоже. На далеких вершинах этот опытный охотник не углядел серн, соревновавшихся в акробатике. Когда цвета поблекли и между скалами пробежал ледяной ветер, жрецы указали мне вход, а сами поймали Роко и привязали его к колышку.

Успокоив пса, я проник в расселину.

Мои зрачки не сразу приспособились к темноте, контрастировавшей с вечерним светом. Я не мог сориентироваться и наткнулся то на каменную стену, то на какие-то выступы и углы. Моя ладонь сдвинула что-то теплое и мягкое, оно забилося, затрепетало, вырвалось у меня из руки и упорхнуло, расправив крылышки: летучая мышь вернулась на потолок.

Выйдя из этого тесного коридора, я ступил в сырой и холодный просторный зал. Это логово мне удалось разглядеть, или, скорее, представить себе, благодаря десятку поставленных

---

¹⁶ Горный хребет Пятра Крайюлуй в Румынии. В те времена его почтительно обходили стороной и опасались его головокружительных склонов. Нынче же все альпинисты приезжают тренироваться в его эффектных впадинах и на отвесных стенках.

на пол светильников; их колышущиеся огоньки своей дрожью оживляли стены, превращая их в паруса.

– Подойди, – произнес хриплый голос.

Я взгляделся туда, откуда прозвучало приказание.

В глубине пещеры в ореоле трепещущих огней возник Залмоксис. Его завершающаяся капюшоном широкая мантия цвета воронова крыла сливалась с окружающей тьмой и спадала до самого низа престола. Я не мог различить его лица и разглядел только седую бороду и два блестящих пятна, которые должны были быть глазами.

– Чего ты хочешь?

В надтреснутом голосе слышалась усталость; казалось, каждое слово дается ему с трудом. Следуя полученному совету, я встал на колени и склонил голову.

– Я обращаюсь к тебе, потому что ищу свою жену.

– Она бросила тебя?

– Ее похитили какие-то люди.

– Когда?

– С тех пор прошли годы.

– Сколько?

Я впервые подсчитал время, проведенное в поисках.

– Шесть.

Ответом моему признанию было молчание. То и дело с потолка падали капли и шлепались на пол, и этот равномерный звук немного успокаивал меня.

Я ощутил, что взгляд Залмоксиса изменился, и поднял голову. Его глаза пожирали меня. Я чувствовал, что он как будто притягивает меня. Он проблеял:

– Подойди ближе.

Едва я поднялся на ноги, как Залмоксис резко спросил:

– Ноам?

Я замер. Меня пронзила очевидность. Передо мной был истинный Бог, ибо он угадал мое имя. Почему же я сомневался? Какой глупец!

– Ноам, это ты?

– Да, – уверенно подтвердил я, – я Ноам!

Из-под плаща выпростались и потянулись ко мне две тощие руки.

– Ноам, наконец-то!

Я пребывал в полной растерянности.

Правая рука, такая худая, что казалась чересчур длинной, схватилась за капюшон и открыла лицо, морщинистое, как засохшее яблоко. Несмотря на почти голый череп, внешность покойника, мертвенно-белые губы и заострившиеся черты, я узнал нос, рот и общее благородство.

Передо мной был Тибор.

Прежде всего и незамедлительно Тибор хотел услышать из моих уст, что Нура жива. Когда я подтвердил ему это, его глаза под истончившимися покрасневшими веками увлажнились. При упоминании о дочери его жалкое, иссохшее тело еще оказалось способно производить слезы.

Я поведал ему, как вновь обрел, потом потерял, затем снова обрел и опять потерял Нуру. Похищение дочери не слишком взволновало Тибора – ему было важно знать, что она жива.

– Я знал! Я знал, что в той пещере на островке она получила тот же дар, что и ты. Я знал, что где-то на земле и сейчас дышит моя дочь.

Своей заскорузлой ладонью он ухватил меня за руку.

– Ты, Ноам, ищешь ее шесть лет, но и я искал ее до изнеможения. Тщетно!

В потрясении, еле переводя дух, Тибор откинулся на спинку своего престола. Я воспользовался паузой, чтобы внимательно рассмотреть старца. Куда делся тот Тибор, которого я знал прежде, – высокий, горделивый, стройный, сероглазый, с обильной шевелюрой? Тот, кто, собирая лекарственные травы, неустанно бродил по лесным тропкам? Тот, кто неизменно носил в своих бесчисленных карманах инструменты и снадобья? Прекрасный Тибор не стал уродливым – он просто исчез. Я смотрел даже не на смутное воспоминание о нем, а на незнакомца, на съезжившегося под слишком широкой для него мантией исхудалого старика: покрытая корками, наростами, кровоподтеками и бородавками, грязная, хотя он наверняка мылся, кожа да кости.

– Тибор, объясни мне: как получилось, что ты не... что ты по-прежнему...

– Живой? – усмехнулся он.

Я кивнул. Его лицо приобрело свирепое выражение.

– Живой, ты называешь это «живой»? Нет, живой – это ты, это жрецы, которые меня охраняют, больные, которые приходят ко мне за советом. А я не живой, я умирающий. Умирающий вот уже много веков.

И подобно тому, как блюют желчью, Тибор вывалил на меня свою историю. Расставшись со мной сразу после потопа, чтобы отыскать дочь, он вдоль и поперек исходил очерченные волнами новые берега. Этим поискам он отдал все свои силы зрелого мужчины, а затем крепкого старика. В те времена он старел обычным образом, как все. Однако, увы, пришла пора, когда, несмотря на снадобья, его тело обессилело, а ноги ослабели. Разбитый ревматизмом, отравленный болеутоляющими, он уже не мог передвигаться. Его суставы отказывали, мышцы таяли, кости ломались.

– Это не я остановился: меня остановили мои недуги. Я понял, что умру, сдохну, так и не вернув себе Нуру. Ярость моя была сильнее печали. Только гнев придавал мне капельку силы. Я дотащился сюда, Ноам. Зная, что хоронить меня некому, я решил, что эта пещера станет мне могилой. В тот вечер разразилась гроза. Она началась, когда я пробирался через узкое отверстие. Каждое мгновение рискуя разбиться, я кое-как протиснулся вовнутрь. Сердце сдавало, я умирал – в этом я был убежден.

Он выставил указательный палец.

– Видишь? Отверстие там, наверху. Щель, сквозь которую проникает луч света. Оттуда лился холодный дождь. Я захотел напиться в последний раз. Я пополз, принялся лакать из лужи, и тут ударила молния.

– Что?

Он пристально посмотрел на меня.

– Молния! Как тогда, с тобой и Нурой. Пришедшая с небес молния обрушилась на меня. Она передала мне свою энергию, чтобы я не угас.

– Так, значит... и ты тоже?

– Что «я тоже»? Ничего общего, Ноам! Вы получили дар, я – кару. Ты посмотри, посмотри на меня. Тебе двадцать пять лет, а мне девяносто пять. Я остаюсь таким, каким был, когда в меня ударила молния. Разложение начало свою работу, но так и не завершило ее. И вот теперь для жизни я слишком слаб, а для смерти – недостаточно. Я умираю уже не одно десятилетие, Ноам. И буду умирать еще долгие века. По правде сказать, боюсь, я буду агонизировать вечно.

Он схватил меня за горло.

– Я страдаю. Со всех сторон меня ранят кинжалы боли, меня одолевает множество хворей. Я с большим трудом перевариваю пищу, я больше не испытываю жажды, не потею и постоянно дрожу от холода. Небытие гложет меня, но не поглощает.

– Я позабочусь о тебе, Тибор. Буду тебя мыть, растирать, приносить тебе целебные травы и поить укрепляющим медом. Я снова разбужу в тебе жизнь.

– Бесполезно. Я всего лишь живой мертвец.

– Тибор, ты живой. Старый и живой. Так приказали Боги, потому что тебя коснулась молния.

– Боги...

Он прищелкнул языком, издав странно пустой звук. Его глаза потухли. Откинувшись назад, Тибор погрузился в молчание и невозмутимость. Я отступился и пробормотал себе в оправдание:

– Я ухожу, чтобы ты немного поспал.

Он проворчал:

– Я никогда не сплю.

– Никогда? А вот твои жрецы попросили меня дожидаться конца твоего дневного сна. Послышался смешок, перешедший в кашель, а затем в отхаркивание.

– Я не спал, я курил...

Он указал на бронзовый поднос с горкой пепла и растительных волокон. Я узнал коноплю, которую всегда предпочитал Тибор, его любимое снадобье.

– Единственное мое удовольствие. Разумеется, я оказываю помощь страждущим, назначаю целебные травы, даю советы, разъясняю. Думаю, некоторые почитают меня как Бога...

В его глазах блеснул недобрый огонек. Он передернулся от холода и, чтобы согреться, плотнее запахнул мантию.

– Слава о тебе разносится далеко, Тибор. Или, скорее, о Залмоксисе.

– Вот ведь забавно! – присвистнул он. – Впрочем, это помогает мне выжить. Дары, любовь, посещения.

– Мне рассказывали про человеческие жертвоприношения.

Он бросил на меня злобный взгляд. Я настаивал:

– Неужели Залмоксис требует убийства невинных?

Он неприязненно отвернулся. Я вздрогнул:

– Тибор, ты не можешь требовать такого! Это невозможно! Скажи, что меня обманули! Ты целитель! Ты как никто другой почитаешь жизнь.

– Чью жизнь?

Он пристально посмотрел на меня. Я, ошеломленный подобной жестокостью, не сводил с него взгляда.

Его скрюченные и желтые, как у курицы, пальцы взяли за коноплю, но он вдруг замер в замешательстве. Я воскликнул:

– Положись на меня! Я был воспитан некогда превосходным целителем. Как же его звали? Думаю, Тибор. Это был самый умный, самый сведущий, самый великодушный и самый достойный уважения человек из всех, кого я знал. Позволь мне действовать.

Он схватил меня за руку, оцарапав своими крючковатыми когтями.

– Не занимайся мной, Ноам, не трать время зря. Отыщи Нуру, скажи, что я ее жду, и верни ее мне. Я уверен, стоит мне увидеть ее, и все мои боли уйдут. Вот тогда ты излечишь меня. И я смогу умереть. Какое это будет облегчение! Большинство людей умирает от страданий, а мне уготована особая доля, и я умру от радости!

И он изо всех своих старческих сил оттолкнул меня:

– Иди, Ноам, иди. Обогни море, спустишься до Страны Кротких вод. По слухам, там что-то происходит. Нура либо живет там, либо туда придет.

– Страна Кротких вод? Единственное место, где я еще не успел побывать...

– Уходи, умоляю тебя. Найди свою жену, приведи ко мне мою дочь. Если ты клянешься, что сделаешь это, я продержусь. Буду сопротивляться без...

– Без чего?

Он умолк и опустил свои опечаленные веки. Спустя несколько мгновений по тому, как замедлилось его дыхание, я понял, что он задремал.

– Клянусь, – пятась к выходу, прошептал я¹⁷.

* * *

Тибор меня изменил. Я снова стал тем, кто однажды утром с ужасом обнаружил, что Нуру похитили. Внезапно шести лет как не бывало. Шести лет, когда я во время своих скитаний слишком привык к скитаниям. Шести лет, за которые мое странствие в конце концов утратило иную цель, кроме самого странствия. Шесть лет, в течение которых моя воля, мое унаследованное от матери стремление к счастью одержало верх.

От нежелания страдать я заставил себя как можно меньше думать об утрате Нуры и стал безгранично наслаждаться природой. Какая-то часть меня постоянно требовала свойственного мне кочевничества, и оно вновь и вновь вызывало во мне неумный восторг. Тибор пробудил другую часть меня: встревоженного любовника. Я снова болезненно ощутил отсутствие Нуры, свою крайнюю нужду в ней.

– Я скоро вернусь, Тибор, – заверил я его, прежде чем покинуть.

Он улыбнулся:

– Скоро? Это слово для меня ничего не значит. Время нельзя измерить.

Затем его скрутила судорога, лицо исказилось. После долгих стонаний Тибор прошептал:

– Да. Время исчисляется страданием. А теперь, прошу, уходи, дорогой Ноам, иди как можно быстрее.

Благодаря ему я вновь стал самим собой: я понял, что одной земли, как она ни прекрасна, мне мало, – мне нужна Нура.

Чтобы попасть на юг, мне предстояло воротиться к началу пути, я развернулся и двинулся по своим следам.

Подойдя к постоялому двору, я не услышал ни звука рожка, ни своего слетевшего с улыбающихся губ имени. Миновав дуб, в ветвях которого никто не прятался, я обнаружил безлюдный постоялый двор. Его покинули недавно – об этом свидетельствовали зола и уже начавшие подгнивать плоды.

С порога я все же окликнул хозяек. Я звал долго. Уловив мое беспокойство, Роко из солидарности залаял.

Может, женщины отправились на прогулку?

Я расстелил соломенный тюфяк и стал ждать.

Следующий день выдался дождливым, горизонт расчистился только к закату солнца: светлое, почти прозрачное пространство поочередно окрашивалось в желтый, красный и фио-

---

¹⁷ В 450 году до нашей эры греческий историк Геродот первым заговорил о Залмоксисе. Ему удалось определить территорию, на которой тот пребывал, – среди гетов, фракийского племени, проживавшего на месте нынешней Румынии. Однако историк не смог поместить его во времени – в одном абзаце Залмоксис представлен учеником Пифагора, в другом – его далеким предшественником. И все же Геродот оставил нам некоторые подробности: Залмоксис обитает в подземном жилище, убеждает тех, кто хочет его услышать, что смерти не существует, он регулярно исчезает и появляется. И под конец Геродот делает вывод, что не мог бы с уверенностью сказать, человек ли этот Залмоксис или божество. Ввиду сомнений Геродота можно предположить, что он придерживался истины Тибора. Впоследствии, не сумев узнать больше, другие авторы развили легенду. В XIX и XX веках среди румын даже нашлись умники, которые превратили ее в образ своей идентичности. Они проповедовали протохронизм, националистическое изображение истории некой нации, утверждая наличие у нее корней, восходящих к Античности и даже к первобытному обществу, вне связей с соседними народами. Полностью пренебрегая реальностью, протохронисты превращали полиэтнические общества прошлого в чисто моноэтнические; так, отдельные протохронисты установили прямое родство между галлами и сегодняшними французами, готами и современными шведами. В Румынии, особенно в XX веке, в период диктатуры Чаушеску, некоторые прибегли к Залмоксису, «Богу-старцу». Тибор бесконечно будет возбуждать любопытство, порождать новые теории, легенды и мифы. В ходе моих воспоминаний я еще неоднократно вернусь к нему.

летний, пока не растворилось в темно-синем, – зрелище, казавшееся невозможным в течение тусклого серого дня.

На следующее утро я сделал вывод, что женщины, по-видимому, окончательно покинули постоянный двор и обосновались где-то в другом месте.

Прежде чем продолжить свою экспедицию в направлении, которое мне указал Тибор, я вспомнил о водопаде, где мы с Нурой провели наши счастливые месяцы. Я страстно желал вновь посетить его, хотя и опасался, что возвращение в то волшебное место пробудит во мне самые противоречивые чувства. Ностальгия терзает столь же сильно, сколь ласкает.

Я взбирался по склону и радовался, вдыхая знакомые ароматы, по памяти выбирая наиболее короткий путь, предвосхищая появление какого-то гребня и получая подтверждение своей догадки. Я был до такой степени насыщен новизной, что знакомое перестало быть мне знакомым...

Меня опьяняло величие пейзажа, однако разбросанные среди него воспоминания жалили: с этой скалы мы ныряли; за этими зарослями папоротников заметили телящуюся дикую косулю; на вершине этой пихты я обнаружил мед, которым полакомилась Нура; на этой подстилке из мха мы любили друг друга. Все это множество деталей опрокидывало меня в прошлое, но природа жила только в настоящем. В ветвях скакали белки, небо затмевали крылья хищных птиц, стремительные воды источников с оглушительным рокотом обрушивались на нас и отпугивали моего пса, который приближался к ним только с глубоким почтением.

– Тебе интересно, Роко?

Услышав свой голос в подобной ситуации, я оценил, насколько сильно изменился: я разговаривал с животным! Во времена Нуры я никогда не разболтался бы со зверем. Неужто я превратился в нелепого одиночку? Неужто эти годы лишили меня разума? Какая разница! Роко, подарок Нуры, был ее полномочным представителем.

Я добрался до водопада и, подняв пса на руки, скользнул за водяной занавес.

Раздался крик. Из глубины ко мне метнулись две тени. Мелькнули бронзовые лезвия. Роко рванулся, я потерял равновесие и упал. Кинжалы пролетели мимо. Я выпустил собаку и, готовый к бою, поднялся.

– Ноам?

Мать и дочь с облегчением рассмеялись. Я дал им время убрать кинжалы и прийти в себя после испуга и уселся, чтобы выслушать их объяснения.

– Мы спрятались здесь от солдат...

История казалась им слишком длинной, они принялись договариваться, кто будет рассказывать. Пока женщины спорили, я успел заметить, как расцвела Нура-два. Нежность, сила, роскошная, пламенеющая, ухоженная шевелюра. Как такую стройную и белокожую красавицу могла породить грузная и чернявая мать? Вдобавок у старухи черты лица были тяжелыми и грубыми, а у дочери – утонченными. Нура-два поразила меня; и от нее не ускользнул мой интерес...

Девушка склонилась ко мне:

– Далеко от нас, на земле солнца, есть один царь, очень великий царь, который построил Бавель, огромную деревню, самую большую на свете. Его зовут Нимрод.

– Бррр... Нимрод!¹⁸ Это имя наводит на меня ужас, – пробормотала сквозь зубы ее мать.

---

¹⁸ Библия сохранила память о Нимроде. В Книге Бытия он описан как первый царь, которого мир узнал после потопа. Властитель Вавилона, он затем правил множеством городов Месопотамии. Он был «сильный зверолов перед Господом». Типу охотника противопоставляется образ пастуха – в тысячу раз более положительный, – который воплощен в Давиде. Затем это понятие обрастает уточнениями. Комментарий Зохара утверждает: «Словом „охотник“ Писание называет не охотника на животных, но ловца человеков». Жестокость – основная отличительная черта Нимрода и всего, что к нему относится. На иврите его имя означает «восставший» или «бунтовщик», тот, кто изменяет порядок вещей, вводит нечто новое в историю. В I веке Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» сообщает многочисленные подробности о Нимроде: тирания, страх второго потопа.

– Грозный ловец, – подхватила дочь. – Он охотится на зверей, на многих зверей, и все ради забавы, потому что он их не ест. Еще он ловит человеков и гонит их на работы в Бавель. Но и этого ему мало. Он отправляет своих солдат, чтобы они привели ему самую прекрасную женщину на земле.

Я вздрогнул. Мать продолжила:

– Караванщики болтают об этом еще с зимы. Где бы они ни встали на ночлег, они встречают солдат Нимрода, которые отслеживают свою добычу. А я-то надеялась, что здесь, в такой дали от Бавеля, мы можем ничего не опасаться. Четыре дня назад я со своего дерева заметила в долине колонну солдат. О да, солдат, даже не сомневайся: они были вооружены, не несли никаких товаров и двигались в нашу сторону. Я вскочила, подхватила Нуру – она тогда набивала тюфяки соломой, – сгребла кое-какую одежду, и мы забрались сюда.

– Это было бессмысленно, мама.

– Они ищут самую прекрасную женщину на земле, дочка, а это ты!

– Да ладно тебе!

– Да! Странники говорили им о тебе.

– Ты что, правда так думаешь? – прошептала Нура-два.

Она смотрела на мать, но вопрос был обращен ко мне.

– Да уж конечно! – рявкнула мамаша. – Ты великолепна. Прямо как я в молодости.

Нура-два отвернулась, я тоже – ни один из нас не хотел опровергать это маловероятное утверждение. Мать топнула ногой, оглядела стенки пещеры и водную преграду: она явно была удовлетворена степенью своей безопасности.

– Здесь мы под защитой.

– Как вы обнаружили это убежище?

– Собирая цветочки Ресли, те, что усыпляют! – воскликнула Нура-два. – А как ты узнал об этом проклятом месте, куда никто не рискует сунуться?

Я сдержанно ответил:

– Мы с Нурой здесь жили.

Глаза девушки загорелись. Она прикусила губу. Руки ее невольно суетливо задвигались. Она окликнула мать:

– Мам, не сходишь вниз посмотреть, ушли ли солдаты?

– Я только оттуда, они ушли, – напомнил я.

Она хлестнула меня укоризненным взглядом, однако обратилась к матери уже спокойнее:

– Если не сторожить постоянный двор, кто угодно может зайти и обокрасть нас!

Обеспокоенная мать поднялась:

– Надо возвращаться!

Нура-два испуганно взвизгнула:

– Для меня это еще может быть опасно... Я бы предпочла остаться здесь.

– Ты уверена?

– Совершенно! Ноам защитит меня, если кто-нибудь заявится. Ведь правда, Ноам? А завтра мы спустимся.

Считая, что дело улажено, мать, переваливаясь с боку на бок, вышла на известковую дорожку и пропала из виду. Эта славная женщина не боялась оставить дочь с возможным хищником. Когда она забеспокоится об этом? По пути? На завтра? Мало того, что она была глупа, она вдобавок еще и соображала медленно.

В гроте воцарилась тишина, странная, наполненная шумом падающей воды и энергией подавления человеческой воли. Водяные струи громыхали, а мы хранили молчание, осознавая, что, едва прервем его, последующее уже будет не остановить. Сейчас Нура-два не обращала на меня внимания или, скорее, делала вид, что не замечает меня. Зато я не спускал с нее глаз. Медные заколки в ее роскошных, пышных, частью заплетенных, а частью рассыпанных по

плечам волосам своим сверканием соперничали с их рыжим цветом, и я разволновался, увидев не только принадлежности Нуры, но и талант молодой девушки украшать себя. Она вздохнула. От ее глаз под опущенными веками не ускользало ничего из того, о чем я думал.

Я знал, что сейчас произойдет. Даже отвергая эту неотвратимость, я о ней знал. Нечто напряженное в ее присутствии лишало меня воли.

– Я мечтаю, чтобы это был ты, – глухо произнесла она дрогнувшим голосом.

– Почему?

– Мне бы очень хотелось стать женщиной с мужчиной, который мне нравится. Не забывай, что меня зовут Нура и что я была воспитана ею.

Я задумался. Надолго. А потом объявил:

– Завтра я ухожу.

Она гневно подняла голову:

– Разумеется, завтра ты уходишь! Я бы тебя ни о чем не просила, если бы ты не уходил завтра!

Пока я размышлял над ее словами, она разозлилась и прошипела:

– Не хочешь покориться?

– Прости, что?

– Покориться женщине? Или приказываешь всегда ты?

– Когда я управлял своей деревней, я раздавал приказания женщинам не чаще, чем мужчинам.

Она пожала плечами. Осознавая свою неискренность, я вернулся к интересующей ее теме, хотя и не собирался уступать:

– Я всегда ждал согласия женщин.

– Так мое же у тебя есть! Или что? Я не вызываю у тебя желания?

Она явно хорохорилась: плечи расправлены, шея вытянута, глаза сверкают; я догадывался, что за бахвальством скрывается перепуганная девчушка.

– Ты очень красивая, ты вызываешь у меня желание.

– Докажи это мне.

На сей раз ее слова прозвучали как мольба, а не как приказание. Нура-два растрогала меня. Она поспешно и мягко заговорила:

– Однажды меня возьмет какой-то мужчина. Возьмет силой. Он раздвинет мне ноги, лучшее будет упущено, потому что он овладеет мною насильно. Тогда да, я, конечно, стану женщиной... однако я возненавижу любовь.

Горячей трепещущей рукой она схватила мою:

– Ты этого мне желаешь? Если я сама не выберу своего первого мужчину, Ноам, то буду чувствовать себя замаранной. А ты меня не замараешь.

Потрясенный ее словами, я достиг другого уровня понимания: желанная для мужчин, которых она не желает, девушка выражала свое влечение ко мне. Да, верно, но главное – свое стремление управлять собственной жизнью, оставаться ее хозяйкой и сохранить свое достоинство, свое стремление к наслаждению, которое зависело бы от нее самой. Это открытие заставило меня сдержаться. В конечном счете мы претерпевали свою судьбу, ту, что создала меня мужчиной, а ее – женщиной. Не переусердствовал ли я, стремясь воспротивиться ей? Бороться против неопровержимого факта? Не впал ли я в чрезмерную гордыню?

Она в отчаянии понурилась:

– Ты унижаешь меня, Ноам. Унижаешь тем, что отталкиваешь. Веди себя, как полагается мужчине с женщиной. Чего проще?

Я медленно, неудержимо приблизился к ней и проямлил:

– Я не пренебрегаю твоим желанием. Я горжусь, им ты оказываешь мне честь. Однако...

– Что «однако»?

Я уже навалился на нее грудью, уже чувствовал свой жар, ее горячность, огонь, который очень скоро спалит нас. Мое сопротивление слабело.

– Однако что? – повторила она.

Наши лица притягивались, стремились одно к другому.

– Завтра я уйду.

Прежде чем наши губы слились, она выдохнула:

– Завтра ты уйдешь.

* * *

– Вперед, пес!

Полной грудью вдыхая теплый воздух, возбужденные светом и опьяненные свободой, мы с Роко с наслаждением продвигались вперед. Перед нами расстиралась зеленая долина; мы шли посреди буйной природы, чтобы открыть для себя новую часть мира.

Позади я оставлял уснувшую в пещере Нуру-два.

Хотя я и обессилел, меня переполняла гордость. Той ночью, участвуя в превращении, я выполнил свой долг. Если в вечерних сумерках я прижимал к себе дитя, то на заре меня обнимала женщина. Отныне Нура-два знала власть своих губ, своих груди и бедер, знала, какое блаженство доставляет мужчине ее лоно и какого может достичь она сама.

Мы непрестанно бросались в объятия друг друга. С каждым разом она становилась все непринужденнее и строптивее – напряжение между двумя этими противоположными манерами поведения и порождает наслаждение. Непринужденность позволяла ей вести себя непристойно, а строптивость приказывала регулировать содрогание, удар, уровень, изменения ритма, трепет отвердевших сосков, сокращения своего лона, сжатия влагалища и оргазм.

Она быстро все усвоила. К утру это уже она, виртуоз наслаждений, вела в игре, дерзко забавлялась, распаяла меня, привлекая, стимулируя, вылизывая и заглатывая. К утру я стал игрушкой ее желания.

Во время этой инициации Нура ни на минуту не покидала нас, постоянно находилась рядом. Я обучал Нуру-два только тому, что узнал от Нуры: женскому возбуждению, женскому темпу, женскому наслаждению и женской власти. Мои устремления были направлены не на то, чтобы она утратила девственность, а на то, чтобы она стала любовницей, уверенной в себе женщиной, которая на равных, то есть свысока, сможет общаться с представителями мужского пола. Я завершил становление Нуры-два.

Припав брюхом к земле, пес бросился к лакомящемуся клевером зайцу. Увлеченный едой заяц его не заметил, а потом, встревоженный прерывистым дыханием собаки, улепетнул в густую траву. Роко, все увеличивая скорость, бежал проворнее, чем его передвигавшаяся прыжками добыча. Когда собачья пасть уже приготовилась схватить зайца, тот резко свернул в сторону. Сбитый с толку Роко, не сбавляя скорости, описал большой полукруг и снова нагнал свою жертву. Заяц рванул наискосок. Роко опять вошел в бесконечный вираж. Преследование продолжалось таким образом: угол одерживал верх над кривой, расстояние между преследуемым и преследователем увеличивалось, ибо первый заведомо выигрывал при каждом изменении оси, второй напрягал мышцы, идя кружным путем. Я прыснул со смеху. С помощью разнообразных уловок природа позаботилась о том, чтобы зайцы иногда спасались от собак.

– Роко, к ноге!

Он подбежал ко мне, дрожа от возбуждения и высунув язык. Пусть Роко и не поймал ушастого, зато отменно развлекся.

В этот миг я хотел бы объявить своему товарищу решение, которое в тот день ободряло меня. Я избери новую тактику: Нимрод, великий ловец, рассылает во все стороны своих под-

ручных, чтобы те отыскиали ему самую прекрасную женщину на земле? Отлично! Я воспользуюсь его работой. Он или уже взял Нуру в плен, или вот-вот это сделает.

Значит, вперед, на Бавель!¹⁹

4

Поначалу я решил, что это мираж.

В ленивом туманном свете зари Духи реки и водотоков при помощи дымки создавали внутри капель фантастическую, безумную, странную картинку: над крышами проходили лестницы, по укреплениям пробегали гигантские звери, сквозь окна прорастали пальмы, каменные конусы пронзали облака. Вдали передо мной парило некое скопление чудовищ и зыбких сооружений, точно трепещущее на ветру знамя. Несомненно, оно сейчас развеется.

Взошло солнце, и видения исчезли.

Моему взору явился город, чистый, крепкий, цветистый и величественный. Обретая реальность, он одновременно становился нереальным. Ничего подобного не существовало!

Бавель...

Мои ноги шли вперед, а моему разуму не удавалось постичь это явление. Поселение затаилось в излучине реки, один Бавель возвышался посреди равнины. Поселение пряталось, Бавель выставлял себя напоказ. Поселение появлялось на уровне глаз, Бавель вынуждал поднять голову. Поселение приглашало, Бавель отталкивал.

Никому не дано испытать такого волнения, какое охватило меня при виде Бавеля. Архитектуру я знал лишь горизонтальную: строение лепилось к земле, не захватывая небо. Будучи вертикалью, Бавель заполнял весь оком. Белые необъятные крепостные стены, по углам охранявшиеся гигантскими львами, возносили свои отвесные бока, прорезанные огромными металлическими воротами со скульптурами быков наверху; к ним прибавлялись ступени, пандусы, мостики, пролеты, террасы, карнизы, ограды, подъемные блоки, колонны, столбы, орифламы – и так до апофеоза, квадратной башни, превосходящей все остальные и самое себя, нагромождая этаж за этажом, выше, еще выше, очень высоко, превыше всего. Взметнувшийся ввысь Бавель делал нас, паломников, что следовали равнодушному уклону потока, ничтожными. Он, точно доказательство неопровержимой власти, мгновенно подавлял нас. Еще не вызвав восхищения, уже добивался покорности.

По мере моего приближения нарастал грохот, сгущалась пыль, громче слышался стук сталкивающихся тачек, скрип осей, собачий лай и рев упрямых ослов; этот хаос перекрывали крики зевак, визг мальчишек, имена, которые выкрикивались с порога соседнего дома, болтовня торговцев за пузатыми прилавками, вопли, доносящиеся из кабаков, и гимны, источаемые святыми местами.

Миновав мост через окружавший стену, наполненный водой ров и пройдя через монументальные ворота, вершина которых достигала высоты полета хищной птицы, я попал в новый мир. Тут пряности, притирания, ткани, ожерелья, перстни и дурман; там фрукты, овощи, мука, рыба и напитки. Справа уличные торговцы, разносчики, зазывалы, нищие и воры; слева жрецы, девственницы, книжники и сборщики податей. Вверху дворец, храмы, алтари, фонтаны и сады;

---

¹⁹ Бавель странным образом остался в истории смешанным с городом Вавилоном, но он был в нем всего лишь высокой башней. Это позднейшее приравнивание обязано своим появлением евреям, авторам Библии, которые путали недавние события с более ранними воспоминаниями: Вавилон тогда представлял собой огромный невероятный город с висячими садами и величественными храмами, за который дрались греки и персы. Вдобавок на иврите, в котором при письме опускаются гласные, Бавель также означает Вавилон. Как во всяком большом городе, в нем имелся зиккурат, в этом случае пропорциональный его огромности: семь этажей, посвященных Богу Мардуку. Так вот, евреи придали Вавилону рухнувшую Вавилонскую башню. Однако на рубеже IV тысячелетия до нашей эры, в описываемое мною время, Вавилона еще не существовало, и в этот более легендарный, нежели исторически запечатленный, период Бавель был городом царя Нимрода.

внизу улочки, узкие проходы, притоны, вертепы, трущобы и клоаки. Пути пересекались, тела прижимались, языки смешивались, торговые связи налаживались, сделки множились, а слухи распространялись. Торопливым роем носились горожане, опустив голову и уже даже не глядя по сторонам. Город гудел громче пчелиного улья, все сталкивалось и сновало туда-сюда.

Бавель! Ни одному современному человеку не вообразить, что я ощутил, войдя в Бавель. Людные улицы, набитые товарами лотки, смешанный запах ладана, ячменя, жасмина и жареного мяса; это бурление погружало меня в самую сердцевину полной движения жизни, будто город пульсировал и принуждал меня приспособиться к своему ритму. Я поднимался к дворцу и храмам и ощущал, как на меня нисходят высокие мысли и покой; стоило мне спуститься в переулочки, где вдоль крепостных стен томно шатались размалеванные, полуодетые женщины и рекой текло пиво, меня тянуло к разврату и пьянству. Мне никогда не случалось ходить по городу. Как я мог представить себе городскую цивилизацию в озерной деревне своего детства, в глубине леса, где вместе со своим дядей Бараком я бродил вдоль узких тропок, на которых набирался ума-разума? Тогда эта химера еще не явилась на свет!

Бавель ошеломил, напугал и прельстил меня. Опустив уши и поджав хвост, Роко скулил и льнул к моим ногам. Его тревожило обилие странностей. Отважный пес, носившийся по лесам и лугам, превратился в боязливого щенка. Он поминутно сновал взад-вперед и то взглядом, то выражением своей морды ежеминутно призывал меня к бегству.

– Ну что, друг мой, я тебя покидаю? – спросил мой попутчик Волшебник. – Не хочешь сопровождать меня к царице Кубабе?²⁰

– Я остаюсь в Бавеле. Тысяча благодарностей за то, что привел меня сюда.

– Но что ты здесь ищешь?

Я восторженно указал ему на окружающее нас великолепие. Он пристально взгляделся в мое лицо и пожал плечами.

– Жаль. Я мог бы помочь тебе. Ну а я направляюсь в Киш. Привет!

Он разочарованно отвернулся и пошел по примыкающей к святилищу Инанны²¹ улице, которая вела к гигантским бронзовым воротам. Я тотчас осознал всю жестокость своей лжи. К чему с таким упорством хранить свои секреты! И что за неблагодарность... Волшебник дал мне возможность добраться до Бавеля и многое узнать об этих краях, здешних обычаях и опасностях... Он дал мне много больше, чем я ему.

Так что, решив быть честным, я бросился вниз по улице, чтобы нагнать его. Когда я свернул за угол храма, он уже пропал из виду. Как ему удалось так быстро скрыться?

Увы, мне следовало бы прислушаться к недоверию Роко и уяснить для себя это внезапное исчезновение...

Впрочем, я чересчур спешу со своим рассказом: мне надо вернуться к тому моменту, когда я встретил Волшебника Гавейна.

* * *

– Волшебник здесь!

По каравану пробежал трепет. Лица грубых, изнуренных и не склонных к восторгам мужчин озарились необычайным светом. Эти караванщики входили в состав исключительно крупного конвоя, состоящего из сорока носильщиков и трехсот ослов, груженных рудой –

---

²⁰ Эта царица – и мы скоро поймем почему – оставила неоспоримый след в истории Античности. Эта единственная женщина, упомянутая в месопотамском царском списке, правила княжеством. Ее никогда не забывали... Однако из века в век книжники сочиняли о ней невероятную историю – богатому и ворота настезь. Порой ее считали родоначальницей своей династии, иногда причисляли к третьей Кишской династии, а иногда к четвертой. По легенде она правила сто лет и впоследствии почиталась как Богиня.

²¹ Шумерская Инанна на аккадском языке, которому вскоре предстояло воцариться в Месопотамии, звалась Иштар.

оловянной или медной, в зависимости от происхождения, – что требовало особой бдительности: наблюдения за животными, чтобы прижать бездельников, и пристального взглядывания в окрестности, чтобы защитить обоз от грабителей. Заручившись согласием этих людей, я уже несколько дней шел с ними. Добраться до Бавеля оказалось нелегко. Туда никто не направлялся: даже когда грузы предстояло доставить в Бавель, перевозчики преодолевали только часть пути и передавали свои товары на перекрестках дорог. Что же касается встреченных нами солдат Нимрода, то от них исходила непримиримая агрессивность, которая исключала всякое общение.

– Вот увидишь, это невероятный Волшебник!

Возбужденные перевозчики остановили своих ослов и столпились вокруг сидящего под деревом человека.

Незнакомец сверкал. Его иссиня-черные умощенные волосы, тут подбритые, там заплетенные, его постриженная курчавой бахромой борода, его блестящая, будто лакированная, кожа, его одеяние, ожерелья и браслеты – все излучало свет. Он не просто выделялся среди запыленных, покрытых дорожной грязью и обветренных перевозчиков, – казалось, он относится к другой породе.

Время от времени приветствуя подошедших непринужденной улыбкой и мечтательным взглядом, как если бы его притягательность была в порядке вещей, Волшебник позволил им сгрудиться вокруг него. Чем дольше я его разглядывал, тем более странным он мне казался: он был подкрашен; помада подчеркивала его обрамленный бородой рот, глаза оттеняла темная краска, придававшая им миндалевидную форму и заставлявшая темную радужку гореть белым огнем.

– Эй, Волшебник, покажешь нам фокус?

Прежде уже встречавшиеся с ним носильщики рассказывали новичкам, что маг одарен необычайной памятью. И никогда ничего не забывает. Ему называют самые разнообразные последовательности слов или чисел, и он безошибочно повторяет их.

Представление началось.

Волшебник предложил караванщикам выстроиться в очередь, чтобы каждый мог огласить свой перечень. Посыпались перечисления:

- Семеро детей, двенадцать ведер воды, пять женщин и тридцать один осел.
- Пятнадцать детей, восемь тигров, тридцать девять собак и шестьдесят ослов.
- Один ребенок, шесть женщин, четыре собаки и двадцать три осла.
- Одна повозка, двенадцать баранов, сорок три козы и пятьдесят шесть женщин.
- Четырнадцать гребней, сто перстней, три талисмана и девятнадцать мешков ячменя.

И это повторилось столько раз, сколько сопровождающих насчитывалось в караване.

Переглядываясь между собой, они как бы говорили: «Сейчас мы его загоним в угол! Он ошибется», и многие заранее ухмылялись. Все это время Волшебник, казалось, слушал их вполуха; сидя в тени, опершись спиной о ствол дерева и не глядя на караванщиков, он мял в руке комки глины и что-то чертил тростниковой палочкой.

Когда сороковой караванщик завершил свой перечень, установилось молчание. Все подались вперед. Внимание сделалось гнетущим. Это почувствовал даже сидящий у моих ног Роко, потому что шерсть у него на холке встала дыбом. Затем Волшебник, словно возвращаясь к реальности, поднял голову и удивленно захлопал ресницами:

– Что, все?

В толпе послышался ропот. Волшебник отложил тростниковую палочку, потер виски, немного поразмышлял, всматриваясь в небо, и наклонился, пристально глядя на свои ладони. И тогда раздался его голос, спокойный, уверенный:

– Семеро детей, двенадцать ведер воды, пять женщин и тридцать один осел. Пятнадцать детей, восемь тигров, тридцать девять собак и шестьдесят ослов. Один ребенок, шесть жен-

щин, четыре собаки и двадцать три осла. Одна повозка, двенадцать баранов, сорок три козы и пятьдесят шесть женщин...

Каждый согласно кивал, когда произносился его перечень. Ничто не нарушало чуда. Точное перечисление продолжалось до последнего участника. Затем последовало новое молчание. Волшебник покачал головой:

– Я где-то ошибся?

Раздались восторженные возгласы. Настроение изменилось: всего мгновение назад эти мужланы радостно предвкушали поражение Волшебника, а сейчас они наслаждались своим проигрышем. А как же! Он снова, уже в который раз, не разочаровал их! Бывалые принимали восхищение новичков как комплимент себе лично:

– Я же говорил: он потрясающий!

После неожиданного развлечения они разошлись, чтобы подкрепиться и передохнуть. Обоз решил провести два дня на этом перекрестке, где имелось не меньше шести постоянных дворов, подобных тому, что держала Нура.

Волшебник поднялся на ноги и хлопнул в ладоши. Подбежал мальчишка-слуга, принял от него что-то и воротился к трем привязанным под деревом ослам. Волшебник покинул лагерь и, прихрамывая, направился к ручью. Там он снял обувь, уселся на берег и опустил ноги в воду.

Я в сопровождении Роко неторопливо подошел к нему. В знак приветствия Волшебник кивнул мне; он благоухал, как сиреневый куст. Вблизи я смог рассмотреть его чистые черты, орлиный нос, тонкие губы, длинные и густые, как щетина, ресницы, умело очерченную и напoмаженную бороду. Заметив его мокнувшие в чистой воде ступни, я утвердился в своем диагнозе и громко спросил:

– Могу ли я предложить тебе мазь?

– Что?

– Для твоих ног.

Он инстинктивно вытащил их из воды и спрятал под складками своего одеяния. Он явно не терпел, чтобы замечали его слабые места.

– Куда ты суешься?

– Я целитель – не волшебник, а всего лишь целитель. Кстати, поздравляю тебя, я никогда не присутствовал при подобном успехе! Bravo! Зато я обратил внимание на твою хромоту. Путешествие изнуряет тебя. А у меня есть растения, которые облегчат твои мучения.

Волшебник колебался. Боль в нем боролась с самолюбием. Все – его изысканная внешность, элегантное одеяние, утонченный грим – свидетельствовало о том, что его жизнью руководит гордыня. Неожиданно страдание одержало верх: он обнажил ступни и доверил их мне. Я покачал головой:

– Тут понадобится не одна мазь, а много. Одна для твоих мозолей. Другая для потрескавшихся пяток. И еще одна – чтобы уменьшить отечность кожи.

Он застонал.

Я тщательно порылся у себя в котомке, которая с тех пор, как я снова взялся лечить людей, тяжелела с каждым днем. После долгих лет одиночества и отрешенности Тибор вновь пробудил во мне это призвание; благодаря ему, отныне человечество не ограничивалось для меня Нурой. Объявляя себя целителем, я усыплял недоверие молодчиков, с которыми мне приходилось сталкиваться на пути в Бавель. Закрытые сообщества открывались. Люди нуждались в моей помощи. Я с жаром отдавался своему делу, потому что любил природу, мне нравилось делиться сокровищами, которые она открывала для меня, и облегчать человеческие страдания. Со временем я заметил, что мне проще сблизиться с людьми, если я лечу их. Порой я задумывался: является ли это тяготение следствием доброты, плодом моего образования, попыткой оказать влияние или способом получить прощение за бессмертие? Или все вместе? К тому же общество людей положило конец моему языковому одиночеству. Среди них, подобно ребенку,

который впитывает и учится, не отдавая себе отчета, я постигал другие языки, в частности, шумерский, на котором говорили Волшебник и большинство караванщиков²².

– Могу я наложить мази?

Он вытянул ноги ко мне. Что за странный человек! Кидается из одной крайности в другую: после излишней сдержанности вдруг доверяется. Все время, пока я занимался им, Волшебник вздыхал, кривился и вздрагивал; а когда я принялся массировать ему ноги с мятой, он удовлетворенно замурлыкал.

Когда я закончил, он попросил меня разделить с ним трапезу и приказал своему слуге принести еду и питье, после чего спросил мое имя; инстинктивно я назвался Нарам-Сином, что спустя некоторое время окажется для меня спасительным.

Волшебник Гавейн пришел из Страны Кротких вод, из тех краев, куда я намеревался попасть. Он принадлежал к дому царицы Кубабы.

– Ты ее знаешь?

Заметив мое колебание, он сообщил, что царица Кубаба правит Кишем, городом, окруженным полями, которые орошают сто каналов, отводящих воду из рек. Там растут пальмы, смоковницы, финиковые и гранатовые деревья; там выращивают ячмень и пшеницу и делают из них лучшее пиво. Царица Кубаба, которая довольствовалась своим положением подле супруга, стала править после его смерти и великолепно справляется. По ее приказанию Волшебник Гавейн странствует по свету, чтобы встречаться с торговцами. Своим процветанием Страна Кротких вод²³ обязана сельскому хозяйству, своим великолепием – архитектуре, однако, обладая лишь илом, минеральными смолами и тростником, нуждается в сырье.

– Нам требуются руды, древесина, камень, а также, в меньшем количестве, – пряности, масло, вино, лук и чеснок. Если мы не создадим сеть производителей и торговцев, то нарушим наше равновесие. Наше богатство множит наши потребности, изобилие порождает нехватку. А ты чем занимаешься?

– Иду в Бавель.

Он удивился:

– Зачем?

– Это необычный город.

Он поскреб подбородок:

– Бавель – город обширный, роскошный и великолепный, но...

– Но что?

– Им правит Нимрод.

Он посуровел, обвел внимательным взглядом окрестности и понизил голос:

– Я предан царице Кубабе, а потому опасаюсь Нимрода, ее соперника. Он замышляет заговоры против нее. Он мечтает завоевать Киш. Наши города расположены по соседству.

При этих словах я вздрогнул:

– Когда ты возвращаешься в Киш?

– Скоро.

– Могу я пойти с тобой? И, если твой город находится рядом с Бавелем, я достигну своей цели.

---

²² Тогда я впервые сделал наблюдение, которое впоследствии буду повторять на протяжении веков: преобладающий язык – это всегда тот, на котором говорят лучшие купцы: в то время аккадский, позже греческий, латынь, итальянский, французский и английский.

²³ Этот регион после его исторического исчезновения стали называть Месопотамией. Слово греческого происхождения, означает «междуречье» и обозначает цивилизацию, которая процветала с IV до I тысячелетия до нашей эры на территории Среднего Востока, расположенной между Тигром и Евфратом и соответствующей нынешнему Ираку. Редко бывает, чтобы цивилизация получала совершенно чуждое ей имя. Этот регион процветал тысячелетиями, и никогда никто так не называл его. В своих воспоминаниях я использую выражение «Страна Кротких вод», распространенное в те времена, когда говорили также о «Стране Умиранных вод».

Через несколько дней мы с Гавейном стали отличными попутчиками. Меня забавляли его капризы, раздражительность и способность меняться в мгновение ока. Поначалу приветливый, искрящийся и говорливый, он вдруг ни с того ни с сего замыкался в молчании. На его лице суровость сменялась весельем, цинизм – безудержным ликованием, беспечность – тревогой: в одном человеке обитало множество. То он при помощи румян и кисти совершенно преображал свое лицо в произведение искусства, то протягивал мне свои увечные ступни и подолгу повествовал о проблемах пищеварения. По утрам стыдливый, вечерами непристойный – кто он был на самом деле? По правде говоря, его непостоянство зиждилось на незыблемом основании: Гавейн себя любил. С безупречным постоянством он обращал на собственную персону нежное внимание. Нанося макияж или рассуждая о виде своих экскрементов, он заботился о себе. Я без шуток восхищался этим превосходным эгоцентризмом, который даровал Волшебнику напряженную жизнь. Подобно ускользающей от ловца серебристой форели, он демонстрировал сверкающую резвость, которая определяла его, мешая им завладеть.

Ну а я, несмотря на его настойчивость, никогда не отвечал на вечный вопрос: «Почему Бавель?» Однако мое молчание не отталкивало его, а только еще сильнее привязывало ко мне: Гавейн не оставит меня в покое, пока не узнает моих побудительных мотивов.

С течением дней Волшебник неоднократно демонстрировал подвиги своей памяти. Беспечность, с коей он поглощал, а затем срыгивал эти нескончаемые перечни, всякий раз ошеломляла меня. Время от времени он увлекался предсказаниями: убивал и потрошил грызунов, сжигал на огне их внутренности и расшифровывал предзнаменования. И по секрету сообщал их каждому караванщику, одному за другим.

Как-то утром, когда я спал на вершине склона, мне почудился аромат сирени. Меня разбудил не свет зари, а, скорее, сосредоточенный на мне взгляд. Когда я открыл глаза, Волшебник спросил:

– Нарам-Син, ты все еще хочешь попасть в Бавель?

– Я не хочу ничего другого.

– Тогда вставай. Я возвращаюсь в Киш. Расстанемся с караваном. Пойдем по этой тропке.

На шестой день она уведет нас через горы.

– Я с тобой.

– И все же почему Бавель?

Я улыбнулся, и ветер подхватил нас.

Обход горной гряды позволил мне собрать множество растений: знакомых, которых мне не хватало, и новых, которые я откладывал про запас для моих дальнейших работ. Гавейн любезно предложил, чтобы я навьючил на один ослиный бок становившийся все более увесистым тюк с травами. Его сопровождал мальчишка; я догадался, что тот немой.

– Его отец, дворцовый виночерпий, проведal один секрет, – уточнил Волшебник. – Нимрод приказал отрезать ему язык, а заодно на всякий случай и всему его потомству – супруге, их четверым детям, и этому мальчишке в том числе. А затем сослал их в Бавель.

– Идиот!

– Зато наверняка. Секрет под надежной защитой.

– Жестокий!

– Жестоко было бы их всех казнить, верно?

Я возмутился:

– Так ты что, одобряешь эти методы?

В задумчивости Волшебник остановился:

– Страна Кротких вод часто прибегает к калечению: ударившему отца сыну отрубают руку; отречшемуся от приемных родителей приемному отрезают язык; кормилице, угробив-

шей младенца, кромсают грудь. Иногда власти даже свирепствуют: если дом обрушивается на хозяина, убивают каменщика; если на сына хозяина – сына каменщика.

– Откуда взялись такие законы?

– От Богов, разумеется.

– Твоя Страна Кротких вод не представляется мне Страной Кроткого правосудия.

Он с непонимающим видом уставился на меня, а потом попытался рассмеяться. Его лицо сделалось непроницаемым, и он промолвил:

– Никто не проявляет такой непримиримости, как Нимрод. На его взгляд, ни одно обстоятельство не умаляет вину, ничто не служит извинением. Он боится.

– Правосудия не боятся, когда оно справедливое.

Гавейн воскликнул:

– Станный же ты человек! Откуда ты взялся, Нарам-Син? В каком мире ты жил?

Чтобы не озадачивать его еще больше, я наспех придумал, как утолить его любопытство: состряпал историю родившегося двадцать пять лет назад в Бириле некоего Нарам-Сина, семья которого погибла во время половодья и который желал поселиться на менее опасной солнечной земле, чтобы заниматься своим искусством врачевания. Мог ли я искренне ответить на вопросы о своих корнях, жизни, возрасте? Волшебник, который наверняка отверг бы мою правду, с удовольствием проглотил мою ложь. Когда я закончил рассказ, он сказал:

– Солнечная погода, мирная земля, усмиренные воды, требующее лечения богатое население – согласен. Только напомни-ка мне: почему Бавель?

Проведя шесть дней среди потрескивающего на ветру леса, мы достигли подножия поросшего гигантскими кедрами склона. Судя по многочисленным просекам, люди нередко везли дань с этих могучих лесов. Двигаясь вдоль ручейка, мы оказались на плато, куда спускались бесчисленные склоны. Свободное пространство заполняли шатры, среди них бродили люди. Над всем витал запах гари и горячей смолы.

– Вот участок Тафсара, – объявил мне Волшебник. – Дальше дорога станет легче.

– Почему?

– Стране Кротких вод недостает древесины. Впрочем, ее нехватка не помешала нам построить города – мы научились смешивать глину с тростником, склеивать кирпичи минеральной смолой. Однако дворцы, храмы и солидные постройки требуют крепких балок. А поскольку наша почва родит только кустарники, низкорослые деревья и пальмы, мы ищем толстые и крепкие стволы в других местах. Здешние кедры обладают значительными размерами и дают не подверженный гниению материал. При помощи туземцев мы проложили отсюда транспортный путь.

От прогалины шла прямая, ровная, утрамбованная дорога, спрямленная выемками и отсыпками грунта. Погонщики нахлестывали быков, те тащили груженные стволами повозки; они двигались степенно и уверенно.

Прежде я уже видел колеса и повозки. Колеса я впервые заметил в степях Центральной Азии или в Карпатах: цельнодеревянный диск протыкали, чтобы вставить в середину ось вращения. Однажды мне даже повстречалась огромная телега, но это была всего лишь диковина, которой хватило наткнуться на три камня, чтобы развалиться.

Границей колеса оставалась земля. Так вот, в Стране Кротких вод люди изобретали не колесо, а дорогу. Выровненная, уплотненная поверхность делала возможным движение влеко-
мых быками повозок. Можно было перевозить на большие расстояния неперевозимое, перемещать увесистые и объемные товары²⁴.

---

²⁴ Именно дорога делает колесо, а не наоборот. Многие цивилизации представляли себе колесо, но некоторые ограничились тем, что сделали из него игрушку, так никогда и не додумавшись соорудить двуколку или телегу. Так, майя, тольтеки и

Тогда я подумал, что всякое изобретение косвенно обнаруживает предшествующие. Наблюдая за тем, как функционируют повозки, я обнаружил их предка: деревянный кругляк, при помощи которого мы когда-то катили грузы. Некогда мы в моей озерной деревне таким способом перемещали тяжелые камни. По сути, колесо – это кругляк, в который воткнули ось...

– Моя госпожа, царица Кубаба, так искусно смешивает эфирные масла! Ее резиденцию называют «Дворцом ароматов», потому что стены каждого помещения сложены из душистой древесины: смолистого кедра, который согревает, сосны, которая освежает, кипариса, который возвращает солнце, березы, которая отпугивает комаров, или терпкого и приторного можжевельника... Коридоры пропитаны древесными соками, внутренние дворы источают ладан. Проходя через это жилище и вдыхая исходящие от балок, панелей и потолков испарения, ты совершаешь два путешествия: одно из покоя в покой, а другое – на крыльях своей памяти.

Усевшись, мы наблюдали за орудующими среди хвойного леса дровосеками. Они набрасывались на кедр с топорами и ритмично колотили по нему. Едва дерево начинало крениться, они разделялись: одна группа продолжала рубить, другая толкала ствол от себя. Когда треск возвещал скорое падение, они, чтобы очистить площадку, во весь голос вопили: «Падает!» Дерево валилось, люди выпускали победные крики, поздравляли друг друга, трясли своими флягами, делали добрый глоток пива, а затем, после соблюдения этой традиционной паузы, бесцеремонно карабкались на поверженного монстра и распиливали его. На обрубку ветвей у них уходило больше времени, чем на распил ствола. Проворные и организованные подростки брались за остатки, перетаскивали их к дороге, сваливали в кучу и сжигали, а женщины и дети в это время подбирали самую мелочь: щепки, которыми можно подпитать огонь, и шишки, которые пойдут на корм домашним животным.

Притупляет ли рутина страх опасности? Судя по тому, что произошло, надо думать, что да. В тот момент, когда лесорубы вновь выкрикнули: «Падает!», по опушке, волоча ветку размером с него самого, пробежал ребенок. Какой-то мужчина взревел:

– Маэль!

Дерево со скрипом накренилось. Мальчонка повернул голову и весело помахал отцу, который снова завопил:

– Маэль!

Слишком поздно. Тонны древесины и тысячи иголок рухнули на землю и погребли под собой малыша.

Мы бросились в гущу еще содрогавшихся от падения веток.

– Маэль! – повторял несчастный отец. – Маэль!

Остальные тоже принялись окликать мальчика.

– Здесь!

Волшебник ткнул пальцем куда-то в гущу ветвей.

Лесоруб исчез в них и осторожно вытащил сына. В его объятиях шестилетний мальчонка пришел в себя. Все с облегчением выдохнули.

– Он невредим, просто сильно перепугался! – воскликнул Гавейн.

– Сейчас я не стану тебя ругать, но уж завтра ты у меня дождешься, – проворчал отец.

Я подошел к мальчику.

– Тебя ударило по голове?

Тот кивнул.

сапотекы Южной Америки наверняка не пришли к его использованию потому, что у них не было тягловых животных: лошадей или волов. А в Северной Африке функцию колеса, приняв его, свели к перевозке товаров: начиная со II века ему стали предпочитать верблюда, который не нуждается в дорогах и перемещается по любому грунту, даже самому неровному; его содержание стоит гораздо дешевле, чем постоянно ломающиеся во время поворотов или натыкающиеся на препятствия повозки; а главное, он способен выдерживать сильную жару, потребляя меньше воды, чем лошади или воны.

– Тебе больно?

Ребенок пристально посмотрел на меня, задумался и побледнел. По его щекам потекли слезы. Оглушенный, он только теперь начал осознавать свое страдание. Уязвленный отец бросил на меня пренебрежительный взгляд.

– Почему ты об этом спрашиваешь? Сначала все было в порядке.

– Он испытал шок.

– Он дышит! Глаза у него открыты!

– Это ничего не значит. В дальнейшем боль может усилиться.

Отец с ужасом уставился на меня, как если бы я желал его сыну чего-то дурного. И злобно обратился к остальным:

– Это еще кто?

Бравый здоровяк был так взволнован, что не желал признавать серьезности случившегося и обратил свое смятение в гнев против меня. Я чувствовал, что он вот-вот полезет в драку. Но тут вмешался Гавейн:

– Нарам-Син – целитель. Самый великий из всех, кого я знаю. Он пользуется царицу Кубабу.

Самоуверенность Волшебника и популярность царицы Кубабы незамедлительно вызвали у присутствующих почтение. Я не стал опровергать слов Гавейна и осторожно заговорил с лесорубом:

– Ты беспокоишься о сыне, ты хочешь, чтобы он оправился. Я тоже. Если позволишь, я позабочусь о нем, пока он не сможет опять резвиться.

Потрясенный горем плачущего у него на груди ребенка дровосек что-то растерянно пробормотал. Вмешался старшина лесорубов:

– Саул и Маэль воспользуются твоей помощью. Ты ведь не против, Саул?

Поколебавшись, отец угрюмо согласился. Мы вошли в шатер из звериных шкур, который он передвигал с вырубki на вырубку по мере валки леса. Жил он вдвоем с сыном, потому что жена умерла в родах. После ее смерти он не донимал мальчонку придирами, как порой поступают другие вдовцы, а перенес на него всю свою способность любить – я понял это, увидев сундук, набитый игрушками: вырезанными из дерева зверюшками, кубарями, шарами и тележками.

– Маэль, – шептал он, поглаживая кудрявую головку лежащего на волчьей шкуре сына.

Как я и опасался, состояние мальчика ухудшалось. Его много раз вырвало, он жаловался на головную боль. Несмотря на то, что я сделал ему холодный компресс, беднягу сжигал внутренний жар. Упрямый отец отчаянно бодрился:

– Он просто крепко перепугался, вот и все... Хорошая еда, хороший сон, хороший отдых. А, Маэль? Завтра он снова разругается.

Я притворно поддакивал.

«Три дня, никогда не жди больше трех дней». Правило Тибора не выходило у меня из головы. «Если промедлишь больше трех дней, вмешиваться бесполезно». Что мне следовало предпринять? «Позволь телу восстановиться, ведь оно для этого приспособлено, но жди не дольше трех дней!» О Тибор, наставник мой, почему нынче вечером тебя нет со мной рядом? Почему ты далеко и я не могу с тобой посоветоваться? Волшебник наблюдал за мной, догадываясь, что я скрываю свои мысли.

Всю ночь ребенок то стонал, то дремал. Трудно определить, что пугало меня сильнее: его стоны внушали мне сочувствие, а молчание заставляло опасаться потери сознания.

К утру багровое лицо малыша изменилось, стало мертвенно-бледным, окруженные синевой глаза ни на чем не фиксировали взгляд, губы не могли произнести ни слова. Голова мальчонки моталась из стороны в сторону – только это и свидетельствовало о том, что жизнь еще теплится в бедном теле.

В шатер заглянул старшина лесорубов и окликнул отца:

– Саул, там змеиное гнездо.

Сильно встревоженный, Саул выпрямился. Старшина продолжал:

– В стволе было гнездо. Уж не знаю, сколько змей в нем извивалось. Так что, если твой сын...

Вытаращив глаза, Саул договорил за него:

– Разгневанный Дух змеи вселился в него. Вот почему он больше не говорит. Дух змеи завладел им.

Опустившись на колени перед ребенком, он встряхнул его:

– Маэль! Избавься от незваного гостя, ну же! Маэль! Ты меня слышишь?

Обессиленный ребенок даже не моргнул. Я почувствовал, что он соскальзывает на ступеньку смерти, и схватил отца за руку:

– Если позволишь, я попытаюсь изгнать Демона.

– Мы все будем изгонять Демона! – с охотой согласился он. – Пусть мужчины и женщины объединятся! Будем петь заклинания и молитвы.

– Но...

– Ты будешь произносить свои заговоры, а мы – наши. Верно, старшой?

Тот поддержал его план. Гавейн добавил:

– А я посоветуюсь с внутренностями грызуна, чтобы узнать волю Богов.

Отец приложил все силы, чтобы при поддержке старшего мобилизовать лесорубов. Спустя некоторое время они на скорую руку устроили вокруг шатра сеанс коллективного экзорцизма. Весь лагерь что-то бормотал, напевал и бубнил вполголоса.

Три дня, думал я, не больше трех дней!

Пока к небесам возносилось протяжное монотонное пение и каждый теребил свои амулеты, Волшебник тихонько поинтересовался:

– А что ты хотел предложить?

– Вскрыть ему череп.

– Вскрыть череп? Это верная смерть!

– Если сделать плохо, то да. А если хорошо, это спасет больного.

Я поведал ему, чему меня научил Тибор относительно лечения травм головы. Это знание он принес из далеких краев, от племен, обитавших на краю света, у берега моря, со стороны заходящего солнца²⁵. Когда, воспользовавшись ушибом, Демон проникал в голову человека и терзал ее, нанося удары изнутри, следовало освободить его, проделав в черепе отверстие: Демон выбирался вон, а больной выздоравливал.

– Дыру в голове? Никто не ходит с дырой в голове!

– Дыра закрывается естественным путем. Кость формируется в течение шести месяцев.

А шрам скрывают отросшие волосы.

– Похоже, ты хорошо осведомлен.

– Впрочем, операция требует крайней точности. Если отверстие сделать в неправильном месте, начнется кровотечение, а это неминуемая смерть. Если слишком глубоко, мозг почернеет, и это мгновенная смерть. Если все же удастся найти правильное место, недостаточная очистка может вызвать заражение.

– Ты полагаешь, что сможешь?

Бросив взгляд на распластанного в беспомощности на волчьей шкуре ребенка, я с горячностью ответил:

– Уверен!

---

²⁵ От кельтов.

Произнеся это слово, я вздрогнул. Во что я ввязываюсь? Гавейн решительным шагом направился к отцу.

Подбирая необходимые инструменты, я силился убедить себя: да, я умею оперировать, я осознаю риски, моя рука не дрогнет! Решившись, я загнал свои сомнения в самую глубь своего сознания – туда же отправил и факты, потому что, по правде говоря, никогда еще не производил подобного вмешательства в тело человека. Я только набивал руку на коровьих трупах, и теперь пальцы уже не слушались меня. Я выровнял дыхание, успокоил бешено бьющееся сердце и сделал безмятежное лицо. Если мне не удастся справиться с собственной нерешительностью, как я добьюсь согласия остальных?

Посреди просеки Гавейн над угольями извлек внутренности хорька. И, посоветовавшись с ними, возвестил, что ребенок будет жить, если целителю позволят действовать.

Я нисколько не задумывался о двурушничестве Волшебника, который вытянул из кишок то, чего мы желали; это работало в интересах ребенка. Отныне община дровосеков возлагала на меня все надежды.

В соответствии с предписаниями Тибора я протер руки листьями шалфея, оставил несколько штук, чтобы сделать настой, и подержал инструменты над огнем. Хотя Маэль уже не реагировал, я попросил Саула приложить к его ноздрям успокоительный настой белены и валерианы, который всегда возил с собой.

Затем несколько раз намылил и отжал бечевку из растительных волокон, чтобы как следует промыть ее; и только потом обвязал ее вокруг детской головы – от лба до затылка: этот самодельный жгут помешает обильному кровотечению.

Я обрил голову Маэля в височной области и надрезал кожу. После чего сделал овальную насечку и постепенно отделил волосистую часть.

Оголилась черепная кость.

При помощи кремниевого ножа я принялся резать по вертикали, после чего продолжил по горизонтали заостренным бронзовым шилом, которое прочерчивало бороздки; затем подхватил скребок из абразивного камня, чтобы соскоблить то, что осталось на кости. Детские черепа гораздо нежнее и тоньше, чем у взрослых, поэтому я постоянно опасался чрезмерных движений. Наконец я почувствовал, что прочерченный мною на кости овал подался, и пинцетом извлек его.

Отец потерял сознание. К превеликому счастью, голова Маэля оставалась неподвижной, потому что я зажал ее между тряпичными прокладками. Я велел старшему вывести Саула из шатра и, когда тот очнется, допьяна напоить пивом.

Осмотрев отверстие, я прошептал:

– Демон выходит.

Волшебник Гавейн вздрогнул, затаил дыхание, зажал ноздри, зажмурился и плотно сжал губы, чтобы Дух змеи не вселился в него... Я последовал его примеру. Старшой тоже.

Освобожденный от сдавления²⁶ ребенок расслабился.

– Все хорошо, Маэль! – шепнул я, хотя ребенок меня не слышал.

Я очистил рану настоем шалфея и, присыпав ее солью, соорудил повязку с медом.

Казалось, мальчонка, уже не такой багровый, спокойно спит.

– Ну вот! – произнес я, разгибаясь.

---

²⁶ Эти сдавления, которые мы приписывали Демонам, сегодня называют по-разному: скрытые гематомы, церебральный абсцесс, черепно-мозговая травма, острое воспаление слизистой оболочки, надкостницы и кости сосцевидного отростка височной кости. Хотя демоны обрядились в новые научные одежды, они по-прежнему поддаются тому же спасительному вмешательству. Я веками практиковал трепанацию черепа без трепана – его еще не существовало, – рассекая и разрезая черепа при помощи остро наточенных инструментов. Операция требует большого опыта, точности движений пальцев и большой удачи. Она привела к множеству смертей. Не потому ли ее использование постепенно сокращалось, а в Средние века и вовсе прекратилось? Ныне ее снова совершают, и современники считают ее новшеством. Даже когда им демонстрируют черепа, прооперированные до нашей эры, они с трудом верят, что некоторые мои коллеги и я сам практиковали ее...

Помогавшие мне Волшебник и старшой озадаченно обратили на меня усталые глаза и промямлили:

– Что... что... что...

– Я закончил!

Я удовлетворенно хлопнул в ладоши, и оба моих ассистента в свою очередь тоже лишились чувств.

Через несколько дней ребенок выздоровел. С согласия старшого я остался с лесорубами, чтобы заниматься мальчиком: обрабатывать рану, заваривать ему болеутоляющие травы, заставлять его есть и умерять его страдания.

Когда Маэль снова пошел, таща за собой игрушку, крошечную деревянную тележку, я испытал гордость и безгранично наслаждался счастьем, которое светилося в глазах его отца. В глубине души мой внутренний голос благодарил Тибора за то, что он подсказал мне верное решение.

Саул подобрал кусочек черепной кости, сделал из него подвеску и посоветовал сыну постоянно носить этот амулет, который охранит его от Демонов. Поведение отца возбуждало любопытство Волшебника; наблюдая за ним, он хмурил свои искусно приподнятые брови:

– Вот ведь странно! Взрослый на службе у малыша. Мужчина так страстно не любит женщину, как этот отец – своего сына. Тебя это не поражает, Нарам-Син?

– Меня это не касается.

– И все же Саул все путает. Ребенок принадлежит отцу, а не наоборот.

– Откуда ты знаешь?

– От Богов, разумеется.

Успех проведенной мною операции изменил отношение Волшебника ко мне, он вознаграждал меня вкрадчивым почтением.

– Царица Кубаба нуждается в таком целителе, как ты.

– Я направляюсь в Бавель, а не в Киш.

– Да, но после Бавеля...

– А вот после Бавеля – возможно. Я приду к царице.

– И все же почему Бавель?

Отныне нас было десятеро: трое мужчин, подросток, ребенок, собака и четыре осла.

Хотя Маэль выздоравливал, он еще не окончательно восстановился. У него пропали вкусовые ощущения и обоняние, он чувствовал аромат цветов не больше, чем вонь тухлятины, а во время еды не замечал разницы между грибами, гранатом и жареной бараньей ногой. Все казалось ему одинаково пресным. У меня было сильное подозрение, что это последствия трепанации, о побочных эффектах которой некогда упоминал Тибор. Я был недоволен своей работой, но не мог больше задерживаться в Тафсаре, как и Гавейн, и предложил отцу сопровождать нас. Преданный своему сыну Саул не колебался: он без сожаления покинул общину лесорубов и поступил ко мне в услужение. «Ведь теперь всякий раз, когда я буду валить дерево, мне будет казаться, что я убиваю своего сына...» Так что я выменял бронзовое орудие на осла, который нес Маэля и нашу поклажу. Кorteж возглавляли Волшебник со своим немym слугой и три их осла.

Как-то солнечным утром Гавейн попросил меня следовать за ним.

– Пойдем-ка, Нарам-Син, я открою тебе один секрет.

Жара завладела всем: воздухом, травами, камнями, животными и людьми. Она замедляла наши движения, парализуя нас до полного оцепенения и подчиняя себе даже запахи и звуки. От берега ручья больше не поднимались испарения свежего ила. Под воздействием жары умолкли птицы и насекомые, затих плеск воды. Ветер сник и превратился в дыхание равнины.

Мы присели на берегу.

Гавейн достал из своей котомки какой-то сверток. Сорвав с него тряпки, он показал мне комок глины, смочил пальцы и принялся месить и разминать ее.

– И это твой секрет? – насмешливо воскликнул я. – Что же тут особенного? Ты частенько вертишь в руках землю.

– Ну будь дураком, Нарам-Син!

Он разделил комок на маленькие кусочки и придал им форму ровных прямоугольников.

– Ну что же, – вздохнул он, – перейдем к главному.

Волшебник взмахнул тростниковой палочкой и развернулся ко мне:

– Составь перечень.

– Мне уже известно, что ты наделен необычайной памятью!

– Я подарю тебе такую же.

Я нахмурился. Гавейн удовлетворенно фыркнул. Он был в восторге от моего замешательства.

– Итак, твой перечень?

– Пятнадцать лис, восемнадцать волков, пять улиток, семнадцать дроздов, двадцать семь баранов и тысяча пчел.

Гавейн склонился ко мне и указал на черточки и уголки, которые он выдавливал на глине своей тростниковой палочкой со скошенным кончиком.

– Вот пятнадцать... вот лиса. Вот восемнадцать... вот волки. Вот пять... вот улитка. А что ты потом сказал?

– Как?! Ты шутишь!

– Нет, я не запомнил.

– Семнадцать дроздов, двадцать семь баранов и тысяча пчел.

– Твоя память гораздо лучше моей, – хохотнув, признал Гавейн. – Я рисую семнадцать... дроздов, невозможно... я упрощаю... черных птиц... потом двадцать семь, баран... Ах, я снова забыл.

– Тысяча пчел! Ты не сосредоточился.

Он совершил какие-то манипуляции тростниковой палочкой и поднял голову; глаза у него блестели.

– Я не сосредоточился? Ну так слушай.

И, склонившись над своими записями быстро, без запинки, произнес:

– Пятнадцать лис, восемнадцать волков, пять улиток, семнадцать дроздов, двадцать семь баранов и тысяча пчел.

Он улыбнулся. Я поддел его:

– Теперь ты помнишь, потому что я затронул твое самолюбие.

Он отбросил подальше кусок глины.

– А вот теперь я неспособен повторить твой перечень. Ничего не помню... Разве что «тысяча пчел» в конце.

Стояла сокрушительная жара. Раскаленный воздух проникал в кровь. Даже небо утратило силы и сменило мощный синий на вялый белый.

Гавейн неспешно поднялся, сделал несколько шагов и подобрал свою глину. А потом, утерев мокрый лоб и сощурившись, скороговоркой выпалил:

– Пятнадцать лис, восемнадцать волков, пять улиток, семнадцать дроздов, двадцать семь баранов и тысяча пчел.

Я так и замер с открытым ртом. Гавейн снова уселся рядом и хлопнул меня ладонью по колену:

– У меня нет памяти, Нарам-Син: я записываю.

– Ты...

– Я использую письмо. При помощи вот этой заточенной на конце тростниковой палочки я делаю засечки на глиняной табличке: одни обозначают цифры, другие – предметы²⁷.

Он показал мне все насечки, произнес их название, пояснил их, а в заключение сказал, что для того, чтобы ничего не забывать, достаточно записывать. Если я желаю, он растолкует мне начатки этого искусства.

Из сухого куста появилась не слишком огорченная чрезмерным полуденным жаром ящерица и молнией метнулась за камни. Я был озадачен и растроганно взирал на Гавейна.

– Почему ты поверяешь мне этот секрет?

Он расхохотался:

– Это секрет только тут, в здешних пределах, среди крестьян, лесорубов и звероловов. У нас, в Стране Кротких вод, всем известно, что письменность существует, хотя мало кто ею владеет: она требует применения шестисот символов! Царица Кубаба в Кише использует меня в качестве писаря и счетовода. Там никто не принимает меня за волшебника!

– Откуда пришла письменность?

Он пожал плечами:

– Разумеется, от Богов! Нам ее принес Энки, Бог-благодетель кротких вод.

Ниже по течению к ручью подошел олень, чтобы напиться. Неожиданно приметив нас, он присмотрелся, понял, что мы остаемся на месте, развернулся и, исполненный благородства и досады, медленно удалился. Гавейн вытащил из котомки чашу, зачерпнул воды – лишь в ней еще сохранялась жизнь среди этой окаменелой природы, – и мы утолили жажду.

– Гавейн, зачем ты открыл мне свой секрет?

– При помощи письма мы считаем, ведем торговлю, взимаем плату. Познакомившись с тобой, я подумал о необходимости других записей: нужно сохранить способы исцеления людей.

Я вспомнил о тревоге Тибора, который всю жизнь опасался, что не сможет никому передать свои знания, полученные от отца и деда. Всякий раз, как умирал многомудрый человек, исчезала ученость. Тибор привязался ко мне, страстно увлекавшемуся растениями, минералами, целительной силой сущностей и Духов, еще и потому, что видел во мне не только зятя, но и своего преемника, свою смену, живого хранителя своей науки.

– Никто не бессмертен, Нарам-Син.

Я взглянул на Волшебника и, вопреки тому, что подумал, степенно кивнул. Он продолжал:

– Завтра тебя может убить разбойник, или придавить дерево, или злая судьба ломит тебя. Жизнь остается короткой, хрупкой и ненадежной.

– Ты прав...

– Необходимо, чтобы ты навсегда сохранил свои драгоценные знания. Клянешься, что сделаешь это?

– Клянусь. Я сделаю это, когда вернусь из Бавеля.

– И все же почему Бавель?

---

²⁷ В отличие от последующих способов письма, клинопись имеет три измерения: она заключается в насечках, сделанных в глиняной табличке при помощи пера со скошенным кончиком, и для разборчивости требует косо освещенности падающего слева. Ее символы составляют черточки, углы и зарубки, объединяющие три вида «клинышков»: вертикальные, горизонтальные и косые. Созданная шумерами для того, чтобы систематизировать товары и осуществлять деловые операции, клинопись смогла передать шумерский язык и в течение нескольких веков служила носителем десяти других языков. К началу христианской эры ее уже не умели расшифровывать и забыли до такой степени, что спустя некоторое время видели в ней только примитивные орнаментальные мотивы.

* * *

На каждой стоянке Гавейн обучал меня письму. Первые мои уроки проходили на берегах рек, среди зарослей тростника, там, где встречались глина, вода и тростинки, которые мы могли заточить; моими первыми школьными скамьями были края рвов; первые упражнения в каллиграфии состоялись под палящим солнцем; первые записанные фразы пропитались исходящим от Волшебника запахом сирени. С тех пор вот уже долгие века процесс письма связан у меня с влажностью и требует света и цветочных ароматов²⁸.

Не память ли моя нынче обогащает мои воспоминания? Рядом с Гавейном я тотчас ощутил, что проживаю решающий момент. Я смутно сознавал, что, размягчая глину, делаю большее, нежели просто мну в руках землю: я помогаю чему-то родиться, порождая невидимое. В этих черточках, уголках и треугольниках таился будущий мир, то есть многие миры, которые открывали мне бескрайние области, где я когда-нибудь буду бродить.

Преувеличивает ли время факты? Я снова явственно вижу себя: вот я выдавливаю линию и догадываюсь, что это гораздо больше, чем просто линия; я уточнял черточку, и она пропадала, уступая место другой реальности, вокабулам языка. И в этом крылся гениальный ход: насечки отсылали к звукам.

До того времени я знал только рисунки, знаки были мне неведомы. Картинки – медведи, рыбы, лошади, утки, миски, пшеница, люди, пенисы и вульвы – я их видел, порой сам изображал, хотя и не обладал виртуозностью, свойственной Охотницам из Пещеры.

– Картинки – это немые изображения. Знаки – говорящие.

* * *

Гавейн постоянно твердил это, и он был прав: пиктограммы молчали, а вот буквы говорили. Нарисованный на стене орел оставался орлом; зато знак на моей глиняной табличке ускользал от самого себя, он исчезал по мере того как проявлялся, ибо превращался в звук.

– Нацарапай сверху тростник, – предлагал Гавейн. – Да, отлично! Так вот, это означает и тростник – на аккадском языке *gi*, – и слово *gi*, при помощи которого ты можешь создать слово Гибил, имя божества огня. Иначе говоря, ты используешь его как картинку или как звук.

Вот что было для меня совсем новым! Знак отделялся от вещи, он больше не имитировал ее. Он отдалял слово от предмета. Между ними образовывался разрыв.

Теперь, пять с половиной тысяч лет спустя, выводя черной ручкой эти буквы на бумаге, я могу лучше оценить то, что происходило со мной во время уроков вблизи журчащих ручьев: разумеется, я впечатывал слова в глину, но одновременно и в свой мозг, эту другую глину, податливую, которая сохраняется вечно, не пересыхает и не превращается в порошок. Мое сознание, как и сознание людей, что жили в Стране Кротких вод, развивалось: оно научалось классифицировать, считать, укладывать знания в коробки или сундуки, что привело его к постижению реальности менее личным, менее чувственным, более объективным и более безсловесным образом. Письменность видоизменяла наше отношение к миру²⁹.

²⁸ В эту минуту я пишу, сидя напротив окна, из которого льется свет; справа от себя я расставил стаканы и чашки с чистой водой, настоями и чаями; слева догорает свеча, распространяющая аромат итальянской лаванды. Этот ритуал снова соединяет меня с несравненным Гавейном, который во время нашего путешествия в Месопотамию передавал мне свою науку. После тосканского лета в эпоху Возрождения на смену сирени пришла лаванда. Поселившись в бывшей овчарне, категорически решив ничего не делать, я, однако же, переписывался с разными личностями, безостановочно марая сотни страниц. Думаю, к этому меня подтолкнула лаванда: перед ее бескрайними полями, где в травах отражается небесная лазурь, я мог легко сосредоточиться и пользоваться спокойной энергией и постоянным вдохновением.

²⁹ Тогда никто и вообразить не мог, что из служанки письменность может превратиться в госпожу.

Вдобавок я догадывался, что такая силлабическая запись позволит все охарактеризовать, а не только составить описи. От частичного хранения она перейдет к всеобъемлющему – она сбережет все, что язык сумел сформулировать: нашу мысль, наши чувства, нашу историю, наши истории. Постигая науку Гавейна, я восхищался тем, что выхожу за пределы простого перечня – цифр перед имеющимися предметами, – чтобы выразить действия и даже идеи. Гавейн сдержанно улыбался моей горячностью, в ней он видел чрезмерный восторг, восхищение дебютанта, упоение нового обращенного. Сам он использовал письменность лишь для ведения дел, он не представлял, что она может иметь иную пользу, помимо точной, строгой, пригодной к хранению отчетности. Но я-то это чуял: из перечня выйдет набросок романа, из подсчета реальности возникнет возможность нереальной вселенной. В письменности мир обрел не только зеркало, он получил двери, окна, люки и взлетные полосы.

* * *

Мало-помалу мы приближались. Никогда прежде я не видывал подобной земли! Страна Кротких вод заслуживала своего имени.

Там протекали две одинаковые реки. Берущие начало в заснеженных и холодных высокогорьях Буранун и Идигна сперва пересекали бесплодные территории, где камни и песок не выражали никакой потребности в них, затем спускались в чуть менее строптивые степи, соприкасаясь с травой-муравой, которая понемножку полоскала свои корни в их водах. На огромной равнине, плоской, влажной и зеленой, насколько хватало глаз, они замедлялись и расширялись; здесь они уже не были чужими, они были у себя дома. Эти водные близнецы, которые так долго двигались параллельно, затем пробовали воссоединиться, чтобы слиться с морем. По-шумерски Идигна означает «бегущая вода», а Буранун – «большая и бурная вода». Позже языковые скитания привели Идигну к тому, чтобы назваться Тигром – образ, который отражает ее взбалмошность и беспорядочное течение, ее свойственные отряду кошачьих приступы ярости и вялости; а Буранун дошел до нас под именем Евфрат³⁰

---

³⁰ Тигр и Евфрат берут начало на горе Тавр, высокогорном армянском плато в Турции. В отличие от Нила, они не протекают в сердце стиснутых горами долин, способных сдержать их; вот почему в мае, во время половодья, они разливаются на тысячи километров. В мое время Тигр и Евфрат имели два отчетливых отдельных, хоть и близких, устья в Персидском заливе. Однако из-за того, что они уносили свои аллювиальные отложения и осаждали их вдоль своего течения, эти реки удлинили землю и оттеснили море. Нынче они соединяются выше по течению, в городе Гармат-Али, после чего образуют общее устье и сливаются в Шатт-эль-Араб до Индийского океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.